

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

TURCOLOGICA

---

*К семидесятилетию
академика
А. Н. КОНОНОВА*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД · 1976

Г. Ф. Благова.

**О СООТНОШЕНИЯХ ПРОЗАИЧЕСКОГО
И ПОЭТИЧЕСКОГО ВАРИАНТОВ
СРЕДНЕАЗИАТСКО-ТЮРКСКОГО
ЛИТЕРАТУРНО-ПИСЬМЕННОГО ЯЗЫКА
XV—НАЧАЛА XVI в.**

(К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА)

1. «Специально стихотворный чагатайский язык в отличие от прозаического», первому из которых свойственны «незначительные архаизмы уйгурского характера и... более значительные элементы „огузско-туркменские“», вполне четко выделил в 1927 г. А. Н. Самойлович.¹ Дифференцированное изучение с последующим сопоставлением языка прозаических и поэтических жанров в творчестве одного писателя (прежде всего Захир эд-Дина Бабура, отчасти также Алишера Навои) позволяет, опираясь на учение о так называемых функциональных разновидностях или типах речи, характерных для того или иного языка в разные периоды его исторического развития,² воспользоваться понятием «вариант литературного языка»³ (целесообразность привлечения его раскрывается ниже). Введение этого понятия, как нам представляется, может помочь в известной мере «прояснить очень сложную картину „диалектальной пестроты“ в языке XV и начала XVI в.».⁴

2. Во всяком случае, четкому выделению прежде всего специально поэтического варианта среднеазиатско-тюркского литературно-письменного языка (ЛПЯ) способствует уже то, что в XV в., когда прозаические сочинения составляли принадлежность литературы духовной, религиозной, поэтические жанры представляли уже литературу светскую и были вполне сложившимися и наиболее развитыми, к тому же объединенными весьма устойчивыми и активно действовавшими общими традициями, в том числе и языковыми. По-видимому, именно это обстоятельство в первую очередь позволило К. Броккельману сделать предметом своего описания «язык исламских литературных памятников Средней Азии с времен исламизации тюрков в X в. до перехода их к государственной самостоятельности. . .»; примечательна оговорка, что это «не язык

«единого народа, но письменный язык, который в отдельных трудах окрашен местными диалектами их составителей».⁵

В свою очередь А. М. Щербак полагает, что «... в эпоху Нава'и „чагатайский“ язык имел уже большую историю и оторвался от той или иной конкретной диалектной базы. Во всяком случае, в XV в. он существовал в том виде, который принято называть классическим».⁶

Так или иначе, в соответствии с происходившим в разные исторические периоды существования среднеазиатско-тюркского ЛПЯ модулированием диалектных основ (караханидско-тюркской, хорезмийско-тюркской и др.) поэтический вариант ЛПЯ вбирал в себя их элементы, как и элементы, являющиеся результатом влияния других языков. Именно для поэтического варианта в первую очередь справедливы распространенные утверждения о языковой неоднородности, смешанности. Подобная смешанность была возведена в традицию, на которую вполне сознательно ориентировались и поэты, и переписчики, писавшие в разное время и в различных тюркоязычных областях Средней Азии. С точки зрения методической весьма показательно, что к сугубой осторожности в оперировании «поэтическими формами» — гетерогенными явлениями, принадлежащими различным хронологическим пластам, — призывает вслед за А. Мейе Э. А. Макаев; подчеркивая, что именно эти формы по ряду причин оказывались законсервированными в том или ином индоевропейском языке, ученый в качестве одного из наиболее важных критериев исследования истории языка выдвигает жанрово-стилистический фактор, нацеливающий на отграничение поэтических форм,⁷ требующих специализированного рассмотрения.

Историческая обусловленность «диалектальной пестроты» среднеазиатско-тюркского ЛПЯ в XV—начале XVI в. оказывается как бы переведенной в план контекстной жанрово-стилистической обусловленности в связи с активным развитием также и прозаических жанров в этот период и соответствующей дифференциации прозаического и поэтического вариантов ЛПЯ (об этом см. раздел 3).

Если староуйгурские элементы по характеру употребления их в поэтическом варианте ЛПЯ, как это показали исследования А. Н. Самойловича, можно рассматривать как своего рода объективно-структурные качества системы стиля, то использование «огузско-туркменских» грамматических элементов здесь, напротив, не укладывается в рамки единой стилистической системы. В самом деле, «огузско-туркменские» формы в поэтическом варианте ЛПЯ XV—начала XVI в. составляют некую широко разветвленную соотносительность, в известной мере симметрично охватывающую имя и глагол (элементы падежного склонения — элементы глагольного спряжения; послелогии, служебные имена — вспомогательные глаголы); правда, эта соотносительность не является пропорциональной из-за разрознности и нерегулярности

«огузско-туркменских» форм, которые именно поэтому могут быть лишь частично предсказуемы. Ущербность такой непропорциональной соотносительности состоит еще и в том, что она в пределах поэтического варианта ЛПЯ конца XV—начала XVI в., с одной стороны, противопоставлена гетерогенной системе адекватных грамматических средств (поэтому подобную непропорциональную соотносительность условно можно назвать «ущербной периферийной системой»), а с другой — контаминируется с ней, способствуя возникновению своеобразной «синонимии» грамматических средств, в том числе и парадигматических форм. Из числа таких адекватных парадигматических форм «огузско-туркменские» не были информативно нагружены уже потому, что они использовались никак не для заполнения «пустых клеток» в системе ЛПЯ XV в., а лишь для частичной подмены наличных адекватных форм ЛПЯ. Таким образом, ясно, что существование парадигматической избыточности в поэтическом варианте ЛПЯ XV в. не было связано с действием внутрисистемных факторов.

Перефразируя слова Л. В. Щербы, можно сказать, что в поэтическом варианте ощущение «нормы» было слабее именно от наличия сосуществующих формальных параллелей, которые, видимо, были недостаточно дифференцированными для одной части носителей литературно-письменного языка, а для другой их части некоторые из таких параллелей осознавались как чужие, с сугубо поэтической эмоциональной окрашенностью; так или иначе, в поэтическом варианте имелась возможность выразить одно и то же содержание, используя гетерогенные параллельные формы.⁹ Гораздо менее разветвленная вариативность форм признается современными языковедами за одно из внутренних проявлений литературного языка, наделенного разнообразными культурно-историческими признаками, которые — для среднеазиатско-тюркского ЛПЯ особенно — не укладываются в рамки строго регулярной системы. Широкие возможности выбора адекватных гетерогенных форм, с одной стороны, обуславливали динамичность текста и служили своего рода творческим импульсом к созданию определенных художественных эффектов, а с другой — являлись предпосылкой для использования поэтического варианта ЛПЯ в различных тюркоязычных областях Средней Азии, поскольку дифференциация локального характера в сфере морфологии как бы перекрещивалась здесь с жанровой дифференциацией вариантов ЛПЯ.

3. Роль Алишера Навои как основоположника «узбекского литературного языка» обычно видят в том, что поэт упорно и успешно вел «борьбу за родной язык в условиях, когда литературным языком служил усвоенный ненациональный язык», возродил и отстоял родной язык, создал литературный язык и колоссальную литературу на нем, заложив тем самым прочные формы его

развития.¹⁰ Здесь важно подчеркнуть, что Навои, который, по словам С. Е. Малова, сам «отчасти двигал и направлял этот поток языка и литературы»,¹¹ не только совершенствовал поэтические жанры и соответствующий поэтический вариант ЛПЯ. Плодотворно разрабатывая прозаические жанры на среднеазиатско-тюркском ЛПЯ, он положил начало отграничению прозаического и поэтического вариантов ЛПЯ. Принципиальное значение этого факта станет яснее, если учесть высказывание Абу-л-Гази: те, «кто слагали до нас историю тюрков, чтобы показать народу свой талант и искусство, . . . тюркскую речь превращали в рифмованную прозу»¹² (т. е. в поэтическую разновидность; разрядка наша, — Г. Б.). Слова Навои о том, что в своем прозаическом сочинении «Мизан ал-авзән» он «обратился. . . к тюркскому языку и всяческие достоинства, кои были употреблены ими (арабскими и персидскими литераторами, — Г. Б.) на украшение девушки — Смысла, . . . выразил чагатайской речью, а эти упомянутые язык и речь являются основанием [литературной речи], чего не дано было ни одному поэту и не стало возможным ни для одного писателя»,¹³ могут быть истолкованы именно в плане создания этим могущественным бойцом за родной язык (Н. И. Ильминский) прозаического варианта ЛПЯ.

Дифференциация поэтического и прозаического вариантов ЛПЯ особенно хорошо прослеживается в тех произведениях Навои, где прозаическое изложение перемежается стихотворными вставками, например в стиховедческом трактате «Мизан ал-авзән» («Весы размеров»)¹⁴ или в дидактическом произведении «Маһбӯб ул-қулӯб», написанном как раз рифмованной прозой (А. Н. Кононов определяет его как своего рода «стихотворение в прозе»)¹⁵ Навои был, таким образом, первым писателем, в чьих произведениях отразилась своеобразная диглоссия, определявшаяся тем, что старые традиции ЛПЯ в XV в. получили активное развитие в условиях новой диалектной среды. Именно в том, что Навои стремился в известной мере согласовать свой прозаический идиолект,¹⁶ который именно и лег в основу прозаического варианта ЛПЯ XV—начала XVI в., с новой диалектной основой, и состоит объективно его роль «основоположника. . . литературного языка».

4. Касаясь падежного склонения в языке Навои, особое внимание мы уделяем соотношению именной и посессивно-именной парадигм, поскольку в тюркских языках категория падежа переkreщается с категорией принадлежности. В прозаическом идиолекте Навои как в именной, так и в посессивно-именной парадигмах представлены падежные форманты именно с консонантным началом (род. *-niy*, вин. *-ni*, дат. напр. *-ga*); интерфикс *-n-* в локативных падежах имен, снабженных аффиксом принадлежности 3 л., отсутствует; палицо, таким образом, основные признаки, присущие узбекско-уйгурскому типу падежного склонения.¹⁷

В поэтическом идиолекте того же писателя именная парадигма характеризуется падежными формантами с консонантным началом.

Что же касается посессивно-именной парадигмы поэтического идиолекта, то здесь на фоне род. и вин. падежей с формантами, имеющими только консонантное начало (*МА* LXIV₃ *бабр-и-ни* 'его печень', *МК* 7₁ *öz-ўm-ni* 'меня самого' — узбекско-уйгурская черта), неодинаково частотно встречаются элементы огузского типа склонения (присущие также кыпчакскому типу): дат.-напр. падеж (после аффиксов принадлежности 1 л. ед. ч.) представлен показателем как с консонантным, так и с вокалическим началом; точно так же в локативных падежах (после аффикса принадлежности 3 л.) возможен интерфикс *-н-*, хотя распространены и формы без него. Подчеркнем, что наличие одной из названных «огузско-туркменских» падежных форм отнюдь не обуславливает наличие другой, гомогенной первой. Таким образом, в поэтическом варианте ЛПЯ системных отношений нет ни между «огузско-туркменскими» парадигматическими падежными формами, ни между гетерогенными адекватными падежными формами. Примеры из стихов «Мизан ал-авзан»: ср. в туйюге LXVII₉₋₁₁: *джан-им-а* 'моей душе', но *қаш-и-ба* 'к ней'; ср. также *қоңл-ум-а* LXVI₃ 'моему сердцу' и *қоңл-ум-га*. XLVII₁₀ (дважды); в бейте на стр. XXXIX₁₀₋₁₁ *бам-им-а* 'моей печали' и *алам-им-ба* 'моему горю'; *ўст-и-н-а* LXVIII₁₀₋₁₁ (дважды) 'на него', но *ел-и-ба* LVII 'его народу'; из стихов «Махбуб ул-қулуб»: *дамāб-им-а* б₁ 'в мой мозг'; *сōз-и-га* 123₁₈ 'его слову', 128₉₋₁₀ *абз-и-ба* 'его рту' и *дард-и-га* 'его страданию'; *ал-и-н-да* 10₁₇ 'перед ним', но *ки-си-да* 123₇ 'в двух его', *ишлар-и-дин* 122₄ 'от его (их) дел'.

Отметим непропорциональность объективно-структурных характеристик поэтического идиолекта Навои. Так, послелогои *ичрā* 'в, внутри', *ара* 'между, среди', восходящие к староуйгурской традиции, а также «огузско-туркменские» послелогои *ла* 'с, совместно с' (используется наряду с *билм* — ср. *МК* 122₁₀ *ла*, 123₁₀ *била*), *киби* 'как, подобно' и вспомогательный глагол *ол-* 'становиться' в «огузско-туркменской» же форме 1 л. ед. ч. (*-ам*) довольно безразлично употребляются рядом с соответствующими гетерогенными формами. Например, *МК* 90₁₃₋₁₄ *ичрā*, но *болбай*; 92₅₋₆ *киби*, *ичрā*, но *била*; ср. *МА* LXIV₉ *ул кōз һиджр-и-да бīмār ол-миш-ам* 'я стал больным в разлуке с теми глазами', LI₁₅ *билур ки фурқат-и-дин ол-миш-ам* 'она узнает, что я умер от разлуки с ней', стр. LIV₁₁ *истамасаң есламасаң биз-ни *мен ѓп-ар-ам йолуң ўзā из-ни* 'когда ты не желаешь и не вспоминаешь нас, * я целую на твоём пути следы'. В трех последних примерах «огузско-туркменские» глагольные формы (вспомогательный глагол *ол-*, прошедшее на *-миш*, как и настоящее-будущее на *-ар*, с кратким «огузско-туркменским» показателем 1 л. ед. ч. *-ам*) и староуйгурский послелог *ўзā* 'на' соседствуют с падежными формами, характерными для узбекско-уйгурского типа склонения (вин. пад. *-ни* для

имени и местоимения — *біз-ни* 'нас', *із-ни* 'след'; отсутствие интерфикса *-н-* в местн. и исх. падеже посессивно-именной парадигмы — *hidжр-i-да* 'в разлуке с ней', *фурқат-i-дин* 'от разлуки с ней').

Прозаический идиолект Навои гораздо более единообразен и последователен в отборе используемых грамматических средств. Это прежде всего относится к системе падежного склонения, выдержанной в целом в принципах узбекско-уйгурского типа (см. выше), а также к глагольному склонению. Тем не менее и в прозаическом идиолекте Навои в отдельных местах по разным причинам иногда еще прорываются «огузско-туркменские» и староуйгурские элементы. Так, характеризуя в своем похвальном слове сборники стихотворений («диваны») Султана Хусейна, Навои переходит в прозе на явно одический стиль и, естественно, обращается к языковым средствам более высокого — поэтического варианта ЛПЯ, которые инородными блестками рассыпаны на фоне преобладающих форм его прозаического идиолекта. См. *МА LXXI₆₋₈ ... öz divanların ki (джам) dawawin ara-si-да баданлар ара джан-дек-дур ва кавакиб ічрә хуршід-і рахшан-дек вақи бол-уб-тур* '... его собственные диваны, которые среди всех диванов [остальных поэтов] являются подобно душе среди [неодухотворенных] тел и подобно лучезарному солнцу среди звезд' — здесь употреблены «поэтические» послелоги *ичрә* 'внутри', *ара* 'среди' рядом с присущими прозаическому идиолекту поэта неподобительным послелогом *дек* (ср. «поэтические» параллели *йаулиб, кибі*), вспомогательным глаголом *бол-* 'становиться' (ср. «поэтическую» параллель *ол-*), посессивно-падежной словоформой *ара-si-да* 'среди них' без интерфикса *-н-*.

Между тем местн. падеж имен с аффиксами принадлежности 3-го лица и в прозаическом идиолекте Навои встречается иногда с интерфиксом *-н-*, причем чаще всего в составе соответствующих форм служебных имен. Примеры из «Тарих-и мулук-и 'аджам»: *су(ш) іч-і-н-да, сандуқ іч-і-н-да ТМ 59_{10,11}*¹⁸ 'в воде', 'внутри сундука', *аниу қаш-і-н-да ТМ 80*₉ 'перед ним', *чадір іч-і-н-да ТМ 85₁₋₂* 'внутри шатра'; из «Мунакамат ул-лузатайн»: *буза'иф ал-і-н-да МЛ 30₁₀* 'перед этим слабым',¹⁹ *аниу сөз-і-н-да МЛ 3₁₁* (так же в ркп № 5829 стр. 5.) 'в его слове'. См. еще использование «поэтических» параллелей — послелогов *ара, іла*, глагола *ол-* в прозе Навои: *чабат ай халқи ара МА LXVII₄* 'среди чагатайского народа'; *ул лібас іла ТМ 102₃* 'с теми одеждами'; *текурмиш ол-бай МА²⁰* 'пусть станет досадившим', ... *бу умрда кім ніхайті ол-мас-дур МАБ 221₂* '... в этой жизни, у которой не будет предела', *бу хабәр-дин вақиф ол-бач ТМ 57₅* 'как только стал осведомленным об этом известии'. В прозаических и поэтических произведениях Навои используется также специфическое служебное имя *ілай-і-да* 'перед ним' наряду с омонимичным и более обычным для ЛПЯ XV — начала XVI в. *ал-і-да* (см. пример их параллельного употребле-

ния — МК 12₁₇ — 13₁₋₂). Еще более специфичным является послелог *дегинча* | *дегунча* 'до, вплоть до', встречающийся в прозаическом идиолекте Навои. Послелог этот, управляющий дат.-напр. падежом, представляет собой, по всей видимости, реинтерпретацию староуйгурского послелога *teginč* 'до' (с тем же управлением),²¹ причем трансформация его производилась одновременно по двум линиям: 1) послелог *teginč*, глагольный по своему происхождению, с формальной стороны был отождествлен с современной Навои деепричастной формой на *-гунча* | *-гинча*; 2) инициаль реинтерпретированного таким образом послелога подверглась озвончению на «огузско-туркменский» лад: *t* ~ *d*-. Послелог *дегинча* | *дегунча* встречается во многих прозаических трудах Навои: *бу шафтка дегинча* МА XVII₁₋₂ 'до этого времени', *битатка дегунча* ТМ 56₁₃ 'до Битата'; см. в «Муһакамат ул-луғатайн»: *кичкига дегинчи*, *бекига дегинча* 'до их [тюрков] малых', 'до их князей', *бу кунга дегинча* 'до этого дня', *ланба дегунча* 'до лошади, старше шести лет';²² в «Китаб-и мунши'ат»: *бир айга дегинча*²³ 'до одной луны [полнолуния]'

Итак, в прозаическом идиолекте Навои присутствует достаточно большое количество «огузско-туркменских» и староуйгурских форм (перечень может быть увеличен); правда, они явственно фрагментарны и чаще всего без труда могут быть опознаны именно как «поэтические» параллели к тем или иным языковым средствам собственно прозаического варианта ЛПЯ, которые и составляют основной языковой фон, обладая наиболее частотными характеристиками. Тем не менее самый факт наличия «поэтических» параллелей в прозе Навои указывает на то, что писатель не достиг еще окончательной поляризации грамматических средств в двух используемых им вариантах ЛПЯ: при Навои было положено начало их дифференциации, однако завершена она еще не была.

5. Дифференциация прозаического и поэтического вариантов ЛПЯ по используемым в них грамматическим средствам была последовательно продолжена всей литературной деятельностью Бабура и доведена им до почти классического завершения благодаря сознательному и последовательному отказу от использования в этом именно варианте «огузско-туркменских» и прочих «поэтических» параллелей,²⁴ иными словами — благодаря стремлению нормализовать прозаический вариант ЛПЯ.²⁵ Именно в этом, по нашему мнению, заключается прежде всего историко-лингвистическое значение наследия Бабура.²⁶

Поэтический идиолект Бабура в основных своих грамматических чертах совпадает с таковым у Навои.

Между тем прозаический идиолект, представленный в «Бабурнаме», характеризуется весьма строгой выдержанностью: здесь почти нет «огузско-туркменских» форм, какие отмечались в прозе Навои. Нет здесь огузских послелогов, хотя совокупность послелогов и служебных имен достаточно своеобразна (ср., например, отсутствие аффикса принадлежности в падежных формах слу-

жебных имен *ара* и *урта*: *бир кечӱ урта-да* БН 120₂₋₃ 'в середине одного вечера', *айаьлар ара-да* БН 23₁₆ 'между его ног', *баь-и джиан ара-да* БН 238₁₀₋₁₁ 'в Баг-и Джихан'; такая же форма в «Мубайн»²⁷ л. 41а₈ *йол ара-да* 'среди дорог'); из огузских глагольных форм отмечена отрицательная форма 1-л. ед. ч. настоящего-будущего глагола на *-ман* (точнее — одна словоформа, правда довольно частотная: *билман* БН 212₂₃, 213₁₀₋₁₁, 217₂₁, 241₄, 402₄₋₅, 432₃, 446₈ 'я не знаю'). Несколько более ограниченно, чем в прозаическом идиолекте Навои, здесь представлено прошедшее время на *-миш* (значительно реже — *-миш ерди*), которое сохранялось от староуйгурской традиции при активной поддержке позднейшего «юго-западного» влияния.²⁸

Заслуживает специального рассмотрения идиолект Бабура, представленный в его дидактическом стихотворном трактате «Мубайн» («Объясняющий»), который был предназначен для подрастающего сына писателя — Хумаюна. Умеренная дозировка «огузско-туркменских» форм (по крайней мере в посессивно-именном склонении и в глагольном спряжении) здесь как раз может свидетельствовать о том, что для юного читателя, еще не приобщившегося к «высокому» языку поэзии, эти формы были непривычными; из этого можно сделать вывод, что обиходной живой речи среднеазиатских турков начала XVI в. они были несвойственны. С точки зрения используемых грамматических средств язык трактата «Мубайн» представляет собой переходное звено в литературной диглоссии Бабура.

6. Примечательно, что выделить со всей четкостью грамматические элементы как поэтического варианта ЛПЯ, так и прозаического идиолекта Навои, стало возможным, исходя именно из проделанного анализа языка «Бабур-наме», в котором впервые в истории среднеазиатско-туркского ЛПЯ воплотился четко отграниченный прозаический вариант ЛПЯ. Только изучение этого последнего дало, так сказать, фон, учет которого в полной мере позволяет определить характер поэтического варианта ЛПЯ, оценить его место и роль в истории ЛПЯ и истории тюркских языков Средней Азии в целом. Принимая во внимание сказанное, пора пересмотреть утвердившееся еще в прошлом веке положение, что Навои «был почти единственным (разрядка наша, — Г. Б.) или, по крайней мере, могущественнейшим бойцом за родной язык»;²⁹ у него был достойный и могучий последователь и продолжатель, который довел до конца дело, начатое великим поэтом, — окончательно закрепил дифференциацию поэтического и прозаического вариантов ЛПЯ, доведя ее до завершения. Пришло время по достоинству оценить роль Захир эд-Дина Мухаммеда Бабура в истории среднеазиатско-туркского ЛПЯ.

Таким образом, мы утверждаемся в мысли, полярно противоположной точке зрения, которая была сформулирована, правда, почти полтора десятка лет назад: тенденция «поддержать связи с естественной языковой средой, чтобы не сделать литературный

язык совершенно искусственным», «... проявлялась с большой силой в самом начале возникновения староузбекского языка (разрядка моя, имеется в виду конец XIII в. и весь XIV в., — Г. Б.), а затем постепенно ослабевала, так что в конце концов староузбекский язык подвергся почти полной консервации»;³⁰ исходя из этого признается, что и во времена Навои и Бабура «... борьба за простоту литературного языка не шла дальше теоретического обоснования ее необходимости...».³¹ Нам представляется, что формирувавшийся трудами Навои и Бабура прозаический вариант ЛПЯ как раз отталкивался от уже имевшегося поэтического варианта с его широко известной «диалектальной пестротой», в то же время ориентируясь на естественную языковую среду (отсюда и «простота» языка «Бабур-наме»). Именно это «отталкивание», яснее всего ощутимое в прозе Бабура, не позволяет рассматривать названные варианты всего лишь как различные стили литературных произведений, якобы отражающих разные стороны единой стилистической системы языка. Каждый из вариантов ЛПЯ представляет собою систему особого рода: прозаический вариант — парадигматически замкнутую грамматическую систему (особенно это видно на примере «Бабур-наме»), поэтический — парадигматически разомкнутую грамматическую систему, широко открывающую доступ гетерогенным «поэтическим параллелям» (подчеркнем, что разомкнутость поэтической системы понимается нами здесь в сугубо специальном, а именно — чисто морфологическом аспекте). Признание различной природы поэтического и прозаического вариантов ЛПЯ не позволяет подходить не дифференцированно к изучению среднеазиатско-тюркского ЛПЯ по произведениям как поэтическим, так и прозаическим в их совокупности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Самойлович А. Н. 1) Материалы по среднеазиатско-тюркской литературе. IV. Чагатайский поэт XV в. Атай. — ЗЖВ, т. II, вып. 2, Л., 1927, с. 262; 2) Чагатайские туюги Лютфи. — ДАН СССР. Сер. В, 1926, май—июнь, с. 72, а также: Боровков А. К. Очерки истории узбекского языка. II. Опыт грамматической характеристики языка среднеазиатского «тефсира» XIV—XV вв. — СВ, т. VI, М.—Л., 1949, с. 51; Щербак А. М. Грамматика староузбекского языка. М.—Л., 1962, с. 35 и сл.

² См. об этом: Виноградов В. В. Итоги обсуждения вопросов стилистики. — ВЯ, 1955, № 1, с. 66, а также его фундаментальные труды по стилистике. Ср.: Баскаков Н. А. Структурные и функциональные стилистические модификации современных тюркских языков. — В кн.: Тезисы докладов конференции «Развитие стилистических систем литературных языков народов СССР». Ашхабад, 1966.

³ Применение этого понятия см., например, в сб. «Лингвистическая карта Швейцарии». Л., 1974.

⁴ Боровков А. К. Лексика среднеазиатского тефсира XII—XIII вв. М., 1963, с. 21.

⁵ Brockelmann C. Osttürkische Grammatik der islamischen Litteratursprachen Mittelasiens. Leiden, 1954—1956, S. 1.

⁶ Щербак А. М. Грамматика староузбекского языка. М.—Л., 1962, с. 13.

⁷ См.: Макаев Э. А. 1) Проблемы индоевропейской ареальной лингвистики. М.—Л., 1964, с. 20 и сл.; 2) Структура слова в индоевропейских и германских языках. М., 1970, с. 12 и сл.

⁸ См.: Благова Г. Ф. О характере так называемого «чагатайского» языка конца XV в. — В сб.: Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика. М., 1960.

⁹ См.: Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974, с. 36 и прим. 11.

¹⁰ Боровков А. К. Алишер Навои как основоположник узбекского литературного языка. — В сб.: Алишер Навои. М.—Л., 1946, с. 97, 92, 117.

¹¹ Малов С. Е. Мир Алишер Навои в истории тюркских литератур и языков Средней и Центральной Азии. — ИАН ОЛЯ, 1947, т. VI, вып. 6, с. 480.

¹² Цит. по кн.: Кононов А. Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана Хивинского. М.—Л., 1958, с. 36.

¹³ Цит. по статье: Боровков А. К. Алишер Навои. . ., с. 102.

¹⁴ См.: Алишер Навоий. Мезонул авзон. Кригик текст тайёрловчи И. Суллонов. Тошкент, 1949 (далее — МА).

¹⁵ Алишер Навои. Возлюбленный сердце. Сводный текст подготовил А. Н. Кононов. М.—Л., 1948 (далее — МК), с. 5.

¹⁶ Так для краткости мы будем называть прозаический (или поэтический) вариант ЛПЯ, представленный в прозаических (соответственно поэтических) произведениях одного и того же писателя. Ср.: Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966, с. 165.

¹⁷ См.: Благова Г. Ф. О типах и структурных разновидностях падежного склонения в тюркских языках. — ВЯ, 1975, № 1.

¹⁸ «Tarix-i muluk-i 'adjam» (далее ТМ); Quatremeré E. M. Chrestomathie en turc oriental. Paris, 1841.

¹⁹ Цит. по кн.: Quatremeré E. M. Chrestomathie en turc oriental, (далее — МЛ). Ту же самую форму с интерфиксом -н- показывает список «Мунакамат ул-лубатайн», хранящийся в Рукописном отделе ИВ АН УзССР под № 5829 (далее — № 5829), см. стр. 51_б.

²⁰ Цит. по кн.: Березин И. Н. Турецкая хрестоматия, ч. 1—2. Казань, 1857, с. 210, (далее текст МА в этом издании обозначается МАБ).

²¹ См.: ДТС, с. 548; Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, с. 430.

²² Цит. по кн.: Quatremeré E. M. Chrestomathie en turc oriental, 6₁₄₋₁₅, 19₅₋₆, 16₃.

²³ Цит. по кн.: Березин И. Н. Турецкая хрестоматия, 194_{а-в}.

²⁴ Грамматическую характеристику прозаического идиолекта Бабура см.: Благова Г. Ф. Очерк функциональной морфологии языка «Бабура-наме». — В сб.: Исследования по истории тюркских языков (в печати).

²⁵ Ср.: Щербак А. М. Грамматика староузбекского языка, с. 13.

²⁶ Это значение литературно-языковой деятельности Бабура ощущал Н. И. Ильминский, когда в своем предисловии к впервые им издаваемому «Бабура-наме» писал о простоте и естественности представленного в произведении языка, см.: Бабура-наме или Записки Султана Бабура. Изданы в подлинном тексте Н. И. [Ильминским], Казань, 1857 (далее — БН), стр. II. См. также: Щербак А. М. Грамматика староузбекского языка, с. 44.

²⁷ Использовалась рукопись «Мубайн», хранящаяся в рукописном отделе ЛО ИВ АН СССР под шифром А 104.

²⁸ См.: Боровков А. К. Очерки по истории узбекского языка. I. Определение языка хикматов Ахмада Ясеви. — СВ, т. V, 1948, с. 249.

²⁹ Ильминский Н. И. Вступительное чтение в курс турецко-татарского языка. Казань, 1862, с. 36.

³⁰ Щербак А. М. Грамматика староузбекского языка, с. 223.

³¹ Там же, с. 13. Кстати, с этим не согласуется утверждение автора, что «язык Бабура-наме весьма прост» (там же, с. 44).

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1975

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1978

Г. Ф. Благова

**О СООТНОШЕНИЯХ ПРОЗАИЧЕСКОГО И ПОЭТИЧЕСКОГО
ВАРИАНТОВ СРЕДНЕАЗИАТСКО-ТЮРКСКОГО
ПИСЬМЕННО-ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА
XV — НАЧАЛА XVI в.**

**(Падежное склонение
в языке произведений Бабура)**

1. Вводные замечания. В тюркологической литературе второй половины XX в. можно наблюдать прямо противоположные суждения о природе и характере средневекового тюркского письменно-литературного языка (ПЛЯ). С одной стороны, утверждается, например, что «уже в начальный период развития старотюркского письменного языка (этот язык датируется X—XV вв.— Г.Б.) намечается ясно выраженная тенденция отдаления его от живого разговорного языка даже опорных диалектов. К XIV—XV вв. относится начало образования отдельных тюркских народов и народностей... Однако в письменном языке сохранились старотюркские традиции, которые испытывали лишь некоторое влияние народного разговорного языка... В связи с этим тюркские старописьменные языки при всем их различии были значительно ближе друг к другу, чем к соответствующим народным разговорным языкам, следовательно, и к диалектам»¹. С другой стороны, не менее авторитетны и заключения о том, что, к примеру, «староузбекский литературный язык (имеются в виду XIV—XVI вв.— Г.Б.) не настолько отдален от разговорного языка, чтобы можно было провести между ними резкую и строго определенную границу», хотя здесь же признается как несомненное, «что литературный (книжный) язык, в отличие от разговорного, характе-

---

¹ М. З. Закиев. О взаимоотношении татарского литературного языка и диалектов в различные периоды их развития.— Совещание по общим вопросам диалектологии [и] истории языка. Тезисы докладов и сообщений (Ереван, 2—5 октября 1973 г.). М., 1973, с. 175.

ризуется несколько индивидуализированным подбором лексики, с большим упором на арабские и персидские элементы и с использованием устоявшихся стилистических приемов»².

И в том, и в другом случае не делается попыток выделить самостоятельным анализом совокупности языковых явлений, составляющих различные функционально-стилистические разновидности ПЛЯ. Показательно, что К. Брокельман при исследовании «языка исламских литературных памятников Средней Азии с времен исламизации тюрков в X в. до перехода их к государственной самостоятельности»³ не разграничивает сколько-нибудь четко явления, принадлежащие языку поэтических произведений, с одной стороны, и прозаических — с другой⁴, хотя А. Н. Самойлович еще в 1927 г. считал целесообразным говорить о «специально стихотворном чагатайском языке в отличие от прозаического», исходя как раз из «диалектальной смешанности» стихотворного языка, из наличия в нем «значительных элементов „огузско-туркменских“»⁵.

Учитывая, что сохранение в языке поэзии инодиалектных морфологических черт представляет собою явление, по-видимому, типологически общее для истории многих литературных языков, отметим, что современным языкознанием при изучении развития литературных языков признается необходимость функциональной направленности языкового анализа⁶. При таком подходе тюркологу позволительно повернуть с глобальными исследованиями и перейти к конкретным целенаправленным разработкам на материале ПЛЯ строго отграниченного периода.

Для прояснения характера среднеазиатско-тюркского ПЛЯ конца XV — начала XVI в. важно было проследить соотношение закономерного и случайного, общего и индивидуального в идиолектах двух ведущих деятелей тюркоязычной культуры Средней Азии этого периода — Алишера Навои и Захир ад-Дина Мухаммеда Бабура, что стало возможным при детализованном лингвистическом сопоставлении поэтических и прозаиче-

² А. М. Щербак. Грамматика староузбекского языка. М.—Л., 1962, с. 15.

³ C. Brockelmann. Osttürkische Grammatik der islamischen Literatursprachen Mittelasiens. Leiden, 1954, с. 1.

⁴ См., например, там же, с. 74, 75, 154, 155.

⁵ А. Н. Самойлович. Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе. IV. Чагатайский поэт XV в. Атай.—ЗКВ. Т. 2. Вып. 2. 1927, с. 262. Ср. точку зрения Р. Якобсона на поэзию как на «особым образом организованный язык» (Style in language. Ed. by Td. A. Sebeok. N. Y., 1960, с. 350—377).

⁶ См.: В. Н. Ярцева. Функционально-стилистическая система литературного языка и ее соотношение с территориальными диалектами.—Совещание по общим вопросам диалектологии [и] истории языка. Тезисы докладов..., с. 232.

ческих произведений каждого из них. Дальнейшая конкретизация исследования требует более четкого определения соотношения прозаического и поэтического вариантов среднеазиатско-тюркского ПЛЯ, потому что только таким путем можно прийти к познанию природы ПЛЯ конца XV — начала XVI в. и вместе с тем получить надежный материал для истории тюркских языков Средней Азии, в первую очередь — узбекского и уйгурского. Предметом такого исследования должны стать прозаический и поэтический идиолекты одного писателя в том случае, если в них достаточно полно реализуется каждый из названных вариантов ПЛЯ. Имея в виду активную роль Захир ад-Дина Мухаммеда Бабура в завершении дифференциации прозаического и поэтического вариантов ПЛЯ, осуществление которой было начато трудами Алишера Навои, что связано с прогрессивной индивидуальной нормализаторской деятельностью обоих писателей, мы исследовали язык произведений Бабура, принадлежащих различным жанрам. Это, прежде всего, объемистое прозаическое произведение мемуарного жанра «Бабур-наме»⁷, лирическая поэзия, сборник которой издан А. Н. Самойловичем⁸, и, наконец, дидактическое поэтическое произведение «Мубаййин»⁹.

Представления о соотношениях прозаического и поэтического вариантов ПЛЯ могут быть поставлены на реальную почву при изучении одной из ключевых подсистем словоизменения, а именно падежного склонения (точнее: его парадигматики и структуры) в различных идиолектах Бабура. Такое сопоставительное исследование именно этой грамматической категории особенно целесообразно уже потому, что в различных вариантах ПЛЯ рубежа XV—XVI вв. как раз языковые факты из области падежного склонения оказываются системно соотносимыми и в то же время достаточно четко противопоставленными в своей парадигматике.

При изучении падежного склонения в языке произведений Бабура мы исходим из осуществляемого в тюркском склонении перекрещивания категории падежа и катего-

⁷ Бабур-наме или Записки Султана Бабера. Изданы в подлинном тексте Н. И. [Ильминским]. Казань, 1857 (далее — БН).

⁸ А. Н. Самойлович. Собрание стихотворений императора Бабура. Пг., 1917 (далее — ССИБ; под номером сообщается порядковый номер цитируемого стихотворения; в случае, если на цитируемой странице приводимая форма встречается в нескольких стихотворениях, их номера не указываются).

⁹ Использовались любезно предоставленная нам Э. Н. Наджилом фотокопия рукописи этого произведения, хранящейся в Рукописном отделе ЛО ИВАН СССР под шифром А104 (далее — М), а также фрагменты этой рукописи, изданные в кн.: И. Н. Березин. Турецкая хрестоматия. Ч. 1—2. Казань, 1857 (далее — МБ; ссылки на поэтические произведения Алишера Навои по этой хрестоматии обозначаются сокращенно: ТХ).

рии принадлежности. В соответствии с этим наряду с именной и местоименной падежными парадигмами выделяется также посессивно-именная парадигма, где и происходит перекрещивание двух грамматических категорий. В склонении каждого конкретного тюркского языка результаты такого перекрещивания достаточно индивидуальны, иначе говоря, отнюдь не одинаковы по языкам. Поэтому неодинаковы в различных тюркских языках и соотношения именной и посессивно-именной падежных парадигм, а именно это соотношение в значительной степени определяет структуру склонения в каждом из языков. Опираясь на характер соотношения именной и посессивно-именной парадигм, в современных тюркских языках Средней Азии мы выделяем три типа склонения.

В огузском типе склонения (туркменский язык) перекрещивание категорий падежа и принадлежности в значительной мере перекрывается строгим соблюдением фонетических правил, действие которых охватывает как именную парадигму, так и большую часть посессивно-именной парадигмы: падежные формативы для имен, оканчивающихся на конечную гласную, имеют консонантическое начало (кроме дат.-напр. падежа — *-а*.; ср. род. *-ның*, вин. *-ны*), а для имен с конечной согласной используются варианты с вокалическим началом (род. *-ың*, вин. *-ы*, дат.-напр. *-а*). При склонении имен, снабженных аффиксом принадлежности 3-го лица, в локативных падежах — дат.-напр., местн., исх. — обязателен интерфикс *-н-* между показателями принадлежности и падежа. Именно в этом состоит принципиальное различие именной и посессивно-именной парадигм в огузском типе склонения. Таким образом, интерфикс *-н-* можно считать показателем, в котором отражен результат перекрещивания категорий падежа и принадлежности.

В уйгурско-узбекском типе склонения (в диахронии — «карлукский» тип: языки узбекский, новоуйгурский) перекрещивание названных грамматических категорий нейтрализовано полностью — именная и посессивно-именная парадигмы с точки зрения формантной не отличаются друг от друга ничем: и в том, и в другом случае независимо от гласного или согласного ауслаута как склоняемого имени, так и его посессивной формы падежные показатели имеют консонантическое начало (род. *-ниң*, вин. *-ни*, дат.-напр. *-га*); после имен, снабженных показателем принадлежности 3-го лица, в локативных падежах интерфикс *-н-* отсутствует. Иными словами, в уйгурско-узбекском («карлукском») типе склонения отсутствует важный показатель перекрещивания категорий падежа и принадлежности.

В кыпчакском типе склонения (языки казахский,

каракалпакский, а также кыпчакизованный — киргизский) перекрещивание категорий падежа и принадлежности дало наиболее зримые результаты. Прежде всего посессивно-именной парадигме свойствен показатель такого перекрещивания — интерфикс *-н-* после аффикса принадлежности 3-го лица. Помимо этого, для ряда падежей (наборы их неодинаковы для имен с аффиксами 1-го и 2-го лица ед. числа, с одной стороны, и 3-го лица — с другой) закрепились особые морфологические варианты, отличающиеся своим фонетическим обликом, причем таким образом, что это идет вразрез с морфонологическими правилами, действующими в названных языках. Дело в том, что именная парадигма характеризуется падежными формативами исключительно с консонантическим началом, независимо от фонетического состава склоняемого имени, в том числе и от того, оканчивается ли оно на гласный или на согласный: род. ккалп. *-нын*, каз. *-дын*, кирг. *-нын*; вин. *-ны*, каз. *-ды*; дат.-напр. каз., ккалп. *-ға*, кирг. *-га*. Эти же показатели (с консонантическим началом) присущи и одной части посессивно-именной парадигмы — именам с показателями принадлежности 1-го и 2-го лица мн. числа. Между тем на две другие части посессивно-именной парадигмы, охватывающие склонение имен, снабженных аффиксами принадлежности 1-го и 2-го лица ед. числа, с одной стороны, и аффиксами 3-го лица — с другой, распространились огузско-туркменские формы — правда, в неодинаковой мере на каждую из этих частей. Иначе говоря, сила расхождений неодинакова для этих двух частей посессивно-именной парадигмы. При склонении имен, снабженных показателями принадлежности 1-го или 2-го лица ед. числа, показатель с вокалическим началом *-а* (как в огузском типе, но там по фонетическим причинам!) имеет дат.-напр. падеж; что же касается род. и вин. падежей, то они имеют формативы с консонантическим началом: род. ккалп. *-нын*, каз. *-дын*, кирг. *-нын*; вин. *-ны*, *-ды*. Тот же самый показатель род. падежа с консонантическим началом (каз., ккалп. *-нын*, кирг. *-нын*) присущ именам с аффиксами принадлежности 3-го лица; форматив вин. падежа, тоже с консонантическим началом, имеет здесь, однако, свою специфику — это «усеченный» (или «сокращенный») *-н* для всех трех языков. Дат.-напр. падеж имен с посессивным аффиксом 3-го лица, как и для 1-го и 2-го лица ед. числа, имеет вариант с вокалическим началом и интерфиксом *-н-* — *-на*; тот же интерфикс присутствует и в местн. и исх. падежах этой части парадигмы: местн. *-н-да*, исх. ккалп. *-н-нан*, каз., кирг. *-нан* (<*-н-нан* < *-н-дан*).

2. Падежное склонение в языке лирики Бабур. Именная парадигма представлена падежными показателями с

консонантическим началом независимо от того, оканчивается склоняемое имя на согласный или на гласный, т. е. так же, как в современных уйгурско-узбекском и кыпчакском типах склонения. Род. падеж *-ниң*: *ешик-ниң* (ССИБ, с. 53, № 160) 'двери', *һиджр-ниң* (с. 17, № 37) 'разлуки', *гүл-ниң* (с. 53, № 151) 'розы'. Ни в именной, ни в посессивно-именной парадигме склонения поэтического идиолекта Бабура не встретился род. падеж на *-иң*, которым в ряде случаев оформлялись имена в «тефсире»¹⁰. Вин. падеж *-ни*: *көңүл-ни* (ССИБ, с. 2; 21, № 45; с. 50, № 141; с. 53, № 158) 'сердце', *дэһжан-ни*, *ишк-ни* (с. 8, № 17) 'мир', 'любовь'. Дат.-напр. падеж: *-ба*, *-гә*, *-қа*, *-кә*: *бу йол-ба* (ССИБ, с. 3) 'на этот путь', *рақиб-ба* (с. 9) 'сопернику', *салаһ-ба* (с. 8) 'спокойствию', *қай-сарі-ба* (с. 52) 'в какую сторону', *діванй болур-ба* (с. 14) 'чтобы сделаться сумасшедшим'. Лишь для единственного случая, весьма характерного (причастие на *-миш*), в именной парадигме зафиксирован показатель дат.-напр. падежа с вокалическим началом после конечного согласного склоняемой основы (т. е. по правилу узгуского типа склонения): *ишк ара азар биһад чек-миш-ә йад албіл* (ССИБ, с. 56, № 186) 'запомни, что в любви бесконечно испытываешь огорчения'; такой же единичный случай для одной словоформы отметил А. К. Боровков в «тефсире» (с. 27). Местн. падеж *-да*, *-та*: *йол-да* (ССИБ, с. 54) 'на дороге', *йурт-та* (с. 45) 'на стоянке'. Исх. падеж *-дін*, *тін*: *баш-дін*, *қаш-дін* (по два раза) (ССИБ, с. 2, № 4) 'с головы', 'от бровей'.

Посессивно-именная парадигма не столь единообразна в своих характеристиках (неполнота приводимых форм этой парадигмы в значительной мере обусловлена жанровой спецификой исследуемых произведений). Род. и вин. падежи для всех частей этой парадигмы имеют форманты с консонантическим началом. Род. падеж *-ниң* для имен с показателями принадлежности 1-го — 3-го лица ед. числа: *көз-үм-нүң* (ССИБ, с. 6; 20, № 44) 'моих глаз', *көңл-үм-ниң* (с. 21, № 47) 'моего сердца'; *дидар-иң-ниң* (с. 50, № 142) 'твоего лица'; *йүз-и-ниң* (с. 53, № 159) 'ее лица'. Вин. падеж *-ни* для имен с показателями принадлежности 1-го — 2-го лица ед. числа: *көңл-үм-ни* (ССИБ, с. 5; 14; 18; 19, № 41; 23, № 51; 50, № 138; 58 и 59, № 198) 'мое сердце', *йүз-үм-ни* (с. 9; 53, № 160) 'мое лицо', *биділ екән-им-ни* (с. 14, № 31) 'то, что я снедаем [любовью]'; *көз-үң-ни* (с. 24, № 54) 'твои глаза', *қаш-иң-ни* (с. 6)

¹⁰ См.: А. К. Боровков. Очерки истории узбекского языка. II. Опыт грамматической характеристики языка среднеазиатского «тефсира» XIV—XV вв.—«Советское востоковедение». Т. 6. М.—Л., 1949, с. 25. Языковые сведения из «тефсира» далее приводятся по этой работе, ссылки на соответствующие страницы даются в тексте.

‘твоя брови’, *сени сетмәслиг-иң-ни* (с. 59, № 199) ‘то, что ты не любишь’. Имена с аффиксом принадлежности 3-го лица также весьма часто получают в вин. падеже форматив *-ни*: *йүрәк-и-ни* (ССИБ, с. 4) и *көңл-и-ни* (с. 14; 59, № 198) ‘его сердце’, *барған-и-ни билмәдим* (с. 57, № 193) ‘я не знал, что она ходила’. Вместе с тем на равных правах с *-ни* в этом случае используется также формант *-н*, гомогенный первому (с консонантическим началом), но отличающийся от него утратой гласной финали. Параллельное употребление «*-ни* и *-н* при посессивном аффиксе 3-го лица» для «тефсира» XIV—XV вв. отмечал А. К. Боровков, подчеркивая, что «обе формы аккузатива известны в памятниках XI—XIV вв.» (с. 96).

К примеру, рифма в ССИБ, с. 17, № 37 включает в себя формант *-н*: *һиджрһиң ...қара шам-и-н* ‘черный вечер ...разлуки’, *ваһл айам-и-н* ‘день свиданья’, *диларам-и-н* ‘(ту его) успокаивающую сердце’, *һунча андам-и-н* ‘(ту его) изящно сложенную’, *ул йар[-и] биһам-и-н* ‘ту его беспечальную возлюбленную»; ср. *оһан қуш-и-н* (ССИБ, с. 24, № 52) ‘птицу души’. Вполне регулярны случаи параллельного употребления вариантов вин. падежа для имен с аффиксом принадлежности 3-го лица *-ни* и *-н* в пределах текста одного стихотворения, а следовательно, в одних и тех же условиях, а иногда в одних и тех же словоформах: *оқ-и-ни чек(к)әй* ‘пусть вытащит его стрелу’ и *оқ-и-н чекмәк* ‘вытащить его стрелу’ (ССИБ, с. 19, № 42); *йүз-и-ни* и *йүз-и-н* ‘ее лицо’ (с. 56, № 182); *йүз-и-н*, *аһз-и-н* ‘ее лицо’, ‘ее рот’ и *сач-и-ни* ‘ее волосы’ (с. 21, № 42); *аһз-и-н* и *йүз-и-ни*, *һиджран-и-н* ‘расставание с ней’ и *көз-и-ни* ‘ее глаза’ (с. 26, № 57); *дард-и-ни* ‘его страдание’, *һал-им-ни* ‘мое состояние’ и рядом *оһаним һам-и-н йе* ‘печалься о моей душе’ (с. 10, № 20); *зүлһуң черик-и-ни* ‘войско твоих локонов’, *өз-и-ни* ‘ее самое’ и *көңл-үм-ни алиб таһаһул-и-н көр* ‘(она) взяла мое сердце, смотри (на) ее небрежность’ (ССИБ, с. 14, № 21); *оқ-и захм-и-ни* ‘рану от ее стрелы’ и *гүл дһамал-и-н* ‘красоту розы’, *һунча сирр-и-н* ‘тайну бутона’, *йүз-и-н* (с. 20, № 44); *һаз-и-ни* ‘ее кокетство’ и *һиһал-и-н* ‘соединение с ней’ (с. 22, № 49). Таким образом, можно сказать, что варианты различия *-ни* ~ *-н* здесь нейтрализуются их грамматической регулярностью; подобное состояние верифицируется соответствующими данными крымско-татарского языка.

Дат. -напр. падеж *-һа*, *-һә*, *-қа*, *-кә* в количественном отношении занимает бесспорно доминирующее положение во всех частях посессивно-именной парадигмы. Этот показатель с консонантическим началом употребляется с высокой частотностью при именах с аффиксом принадлежности 1-го лица ед. числа: *көңл-үм-һә* (ССИБ, с. 13, 18, 21, 26) ‘моему сердцу’,

д̄жан-им-ба (с. 19, 21, 24, 26) 'моей душе', *кӧз-ўм-гӧ* (с. 8, 18, 22) и *кӧзлӧр-им-гӧ* (с. 5) 'моим глазам', *қаш-им-ба* (с. 56) 'ко мне'. Однако в языке лирики монополия показателя дат.-напр. падежа с консонантическим началом после аффикса принадлежности 1-го лица ед. числа нарушается за счет параллельного использования «огузско-туркменского» варианта *-а*. В огузском типе склонения *-а* применяется в строгом соответствии с действием морфонологических правил (после осн., имеющих финалью согласный), здесь же эти правила не действуют, и с точки зрения описанной падежной парадигматики *-а* является избыточным ее членом. Вариант *-а* отмечен в тех же словоформах, которыми иллюстрировалось использование формата *-га*, с тем отличием, что словоформы на *-а* гораздо менее частотны, чем аналогичные на *-га*. Примеры: *кӧңл-ўм-ӧ* (ССИБ, с. 2, № 5; 6, № 13; 28, № 63, с. 66); *д̄жан-им-а* (с. 6; 11, № 22; 33, № 74; с. 87); *баш-им-а* (с. 2); *кӧз-ўм-ӧ* (с. 39, № 87); *елик-им-ӧ* (с. 60, № 202); *д̄жисм-им-ӧ* (с. 47, № 125) 'моему телу', *һал-им-а* (с. 49, № 136) 'моему состоянию', *қаш-им-а* (с. 9, № 18), *йан-им-а* (с. 38, № 87) 'ко мне'; ср. аналогичное употребление дат.-напр. падежа *-а* в языке «тефсира» (с. 26, 27). Среди словоформ, выступающих с аффиксом дат.-напр. падежа *-а*, наиболее частотны такие сугубо «поэтические» лексемы, как *д̄жан* 'душа' и *кӧңл* 'сердце'. Однако и для этих слов оформление аффиксом *-а* не является исключительным: словоформы с адекватными гетерогенными формантами *-га* и *-а* могут довольно свободно варьироваться и даже сопоставляться рядом в пределах одного стихотворения, например, в ССИБ: *д̄жан-им-а* и *кӧңл-ўм-гӧ* (с. 6, № 14) и, наоборот, *кӧңл-ўм-ӧ* и *д̄жан-им-ба* (с. 10, № 21); *кӧңл-ўм-гӧ* и *кӧңл-ўм-ӧ* (с. 66, 7); *абз-им-а* и *абз-им-ба* (с. 60, № 202); ср. еще: *иш-им-ӧ* 'моему делу' и *дард-им-ба* 'моему горю' (с. 78, № 226).

В поэтическом идиолекте Навои отмечается параллелизм тех же форм дат.-напр. падежа: *һам-им-а* 'моей печали' и *алам-им-ба* 'моему мучению'¹¹, *д̄жан-им-а*, но *қаш-им-ба* (МА LXVII₉₋₁₁). Набор словоформ с показателем *-а* при посессивном аффиксе 1-го лица, в основном совпадая с вышеперечисленными, а в индивидуальных чертах немногим от него отличаясь, у Навои несколько шире, чем у Бабура. См., например, словоформы: *кӧкс-ўм-ӧ* (ТХ, с. 294₅) 'моей груди', *йад-им-а*¹² 'моей

¹¹ Алишер Навоий. Мезонул авзон. Критик текст тайёрловчи И. Султонов. Тошкент, 1949 (далее — МА), с. XXXIX₁₀₋₁₁.

¹² А. Н. Самойлович. Четверостишия-туйуги Неваи.— Мусульманский мир. Вып. 1. 1917, с. 19.

памяти', *дамаф-им-а*¹³ 'моему мозгу', *аффон-им-а* (МА XXXVIII₁) 'моему стенанию'; в дополнение к служебным именам *йан-им-а*, *қаш-им-а* здесь отмечено *ал-им-а* (ТХ, с. 314₄ 'ко мне').

При именах с велярной окраской после аффикса принадлежности 2-го лица ед. числа выступает форматив дат.-напр. падежа с консонантическим началом *-ба*: *баш-иң-ба* 'твоей голове', *ше'р-иң-ба* 'твоему стиху' (ССИБ, с. 19, № 42), *қаш-иң-ба* (с. 9) 'к тебе', *айаф-иң-ба* (с. 13) 'твоей ноге', *абз-иң-ба* (с. 60, № 202) 'твоим устам'. В случаях, когда в фонетической интерпретации заимствования (в нижеприведенном примере — арабизма) были возможны колебания в сторону как веляризации, так и палатализации, в одном контексте могут быть представлены параллельные написания типа *وصلينكا* и *وصلينكغه* (ССИБ, с. 51, № 150) 'к соединению с тобой', причем второе написание допускает два чтения аффикса дат.-напр. падежа в составе словоформы: 1) *-гә*, т. е. с консонантическим началом (если налицо опущение тешидида, хотя он подразумевается: *шақл-иң-гә*), 2) *-ә*, т. е. с вокалическим началом (если тешидида здесь вообще не было: *шақл-иң-ә*). Примеров возможности подобного двоякого чтения можно найти очень много, причем как для заимствований, так и для исконных слов с палатальной окраской. На с. 7 и 8 ССИБ представлено по паре *йўз-ўң-(г)ә*, *кўз-ўң-(г)ә* 'твоему лицу', 'твоим глазам'; см. ССИБ, с. 10: *һўсн-ўң-(г)ә* 'твоей красоте'; с. 19: *елик-иң-(г)ә* 'твоей руке'; с. 58 и 59: *ўз-ўң-(г)ә* 'тебе самому'. Решение вопроса, какой из формантов представлен в таких примерах — с консонантическим или вокалическим началом, связано с характеристикой всего склонения как системы в поэтическом идиолекте Бабура (см. об этом ниже).

Имена с аффиксом принадлежности 1-го лица 'мн. числа в дат.-напр. падеже получают форматив с консонантическим началом *-га* (*кўңл-ўмиз-гә* (ССИБ, с. 6) 'нашему сердцу'), как в современных уйгурско-узбекском и кыпчакском типах склонения.

Имена с аффиксом принадлежности 3-го лица регулярно оформляются показателем дат.-напр. падежа с консонантическим началом *-ба*, *-га*, без интерфикса *-н*. Из примеров, весьма многочисленных, приведем следующие: *баш-и-ба* (ССИБ, с. 3, 55, 59) 'его голове', *айаф-и-ба*, *абз-и-ба* (с. 3) 'его ногам', 'ее устам', *йўз-и-гә* (с. 8, 13) 'ее лицу', *қаш-и-ба* (с. 55, 59) 'к ней', *дард-и-ба* (с. 3, 58) 'его горю', *'ишқ аһл-и-ба* (с. 8) 'влюбленным', *шақл-и-ба* (с. 50) 'к соединению с ней'. Среди этих регулярных форм с высокой частотностью

¹³ Алишер Навои. Возлюбленный сердец. Сводный текст подготовил А. Н. Қононов. М.—Л., 1948, с. 6₁₅.

одиноким обособленным вкраплением выглядит единственный пример, когда в этих же грамматических условиях дат.-напр. падеж имеет показатель с вокалическим началом *-a*, сопрягаясь при этом с интерфиксом *-н-*: *кбңл-и-н-ә* (ССИБ, с. 9, № 18) 'ее сердцу'; сочетание морфем *-(с)i-н-a* было употребительно в языке «тефсира» (с. 27).

Для поэтического идиолекта Навои характерно несколько более частое употребление сочетания морфем *-(с)i-н-a*, причем без ограничений в лексемном репертуаре: *фаза-си-н-a* 'его пространству', *уй-и-н-ә* 'в его дом', *етаг-и-н-ә* 'его подолу' (ТХ, с. 274₂, 283₁₃, 285₁₁), *турбат-и-н-a* (ТХ, с. 285₁₀, 286₄) 'его гробнице', *самичи қат-и-н-a* (ТХ, с. 284₈) 'к продавцу'; *ла'л(-и) хандан уст-и-н-ә*, *аб-и найшан уст-и-н-ә* (МА, с. LXVIII₁₀₋₁₁) 'над улыбающимся рубином', 'над [источником] живой воды', *муб дайр-и-н-a* (МА, с. XLIV₈) 'в храм огнепоклонников'. Как и у Бабура, у Навои отмечается параллелизм форм на *-(с)i-н-a* и *-(с)i-га*, иногда одних и тех же словоформ, ср. *айаф-и-н-a* и *айаф-и-ба* (ТХ, с. 275, и 294₇) 'на его ногу'.

Местн. падеж посессивно-именной парадигмы в различных типах склонения имеет отличия только для имен с аффиксом принадлежности 3-го лица по признаку наличия — отсутствия интерфикса *-н-*. В поэтическом идиолекте Бабура подавляющее большинство таких форм не имеет интерфикса *-н-*, подобно тому как это представлено в современном уйгурско-узбекском типе склонения. Примеры: *һиджр-и-да* (ССИБ, с. 1, 13, 16, 25, 50) и *фирақ-и-да* (с. 17, 23, 54) 'в разлуке с ней', *йўз-и-дә* (с. 7) 'на ее лице', *кбңл-и-дә* (с. 6) 'в его сердце', *қаш-и-да* (с. 4, 9, 57) 'перед ней', *ал-и-да* (с. 12, 23, 51, 53, 57) 'перед ним', *ўст-и-дә* (с. 19, 20) 'на нем', *ара-си-да* (с. 55) 'среди них'. Вместе с тем здесь же отмечены формы местн. падежа имен с аффиксом принадлежности 3-го лица, имеющие в своем составе интерфикс *-н-*¹⁴ (т. е. по образцу соответствующих форм огузского или кыпчакского типов склонения). Употребление с интерфиксом *-н-* не столь регулярно и высокочастотно, как словоформ без интерфикса *-н-*, но все же довольно значительно: во всяком случае, число таких

¹⁴ В языке «тефсира» формы местн. падежа с интерфиксом *-н-* при посессивном аффиксе 3-го лица были регулярными (с. 27, 29). Выделяя группы памятников письменности по наличию — отсутствию интерфикса *-н-* в посессивных формах локативных падежей, А. К. Боровков имел в виду соответственно «два диалектальных источника, имеющих глубокую историческую перспективу», и отмечал, что «в хикматах эти две линии перекрещиваются, „вставочное н“ то появляется, то исчезает» (А. К. Боровков. Очерки по истории узбекского языка. I. Определение языка хикматов Ахмада Ясеви.— Советское востоковедение. Т. 5. М.—Л., 1948, с. 247).

словоформ с интерфиксом *-н-* заметно превышает количество огузских форм дат.-напр. падежа с формативом *-а* после аффикса принадлежности 1-го лица ед. числа, не говоря уже о формах дат.-напр. падежа имен, имеющих при себе аффикс принадлежности 3-го лица и получающих к тому же интерфикс *-н-*. Примеры форм местн. падежа с интерфиксом *-н-* можно привести для тех же самых слов, которые выше отмечались в форме без интерфикса *-н-*: *hid̄жр-i-н-да* (ССИБ, с. 25, № 54 и 56), *қаш-i-н-да* (с. 15, № 33; 16, № 34); см. также: *сафһа-си-н-да* 'внутри него', *тегра-си-н-да* 'вокруг него' (с. 14, № 30); *шиддат-i-н-да* (с. 22, № 48) 'в его несчастии'; *һазрат-i-н-да* (с. 27, № 59) 'в ее присутствии', *арқа-си-н-да* 'за ним' (с. 28, № 62). Оба способа оформления местн. падежа — с интерфиксом *-н-* и без него — можно наблюдать в тексте одного стихотворения, а иногда при этом — и в одной словоформе, например, ССИБ, с. 7, № 15: *йўз-i-н-дә* и *йўз-i-дә*; ср. также с. 16, № 35: *шафғ-i-н-да* и *hid̄жр-i-дә*; с. 15, № 33: *қаш-i-н-да* и *ал-i-да* 'перед ним', *'ишқ-i-да* 'в любви к ней'; с. 36, № 81: *'ишқ ел-i-н-дә* 'у влюбленных' и *'алам аһл-i-да* 'у людей мира'; в № 52 форма с интерфиксом *-н-* — *зўлфи аст-i-н-да* (с. 24) 'под ее локоном' — наблюдается на фоне рифмы, пронизывающей все стихотворение и представленной посессивно-именными формами местн. падежа без интерфикса *-н-*: *шағл айһам-i-да* 'в дни свиданья', *фирақиң шам-i-да* 'в вечер разлуки с тобой' (с. 23), *зўлф-i-дә* 'в ее локоне', *андам-i-да* 'в ее стане', *кәм-i-дә* 'в ее воле', *дам-i-да* 'в ее силке' (с. 24).

В поэтическом идиолекте Навои форма местн. падежа с интерфиксом *-н-* после аффикса принадлежности 3-го лица употребляется заметно шире, без лексемных ограничений, хотя и параллельно с более регулярной формой без интерфикса. В отдельных случаях форма с интерфиксом *-н-* наблюдается и в прозаическом идиолекте Навои. См. в «Муһакамат ул-лубатайн»: *сөз-i-н-да* 'в его слове' и *ал-i-н-да* 'перед ним'¹⁵, причем те же самые формы показывает список этого трактата, хранящийся в Рукописном отделе ИВ АН УзССР под № 5829 (с. 5₁, 51₈); в «Тарих-и мулк-и 'аджам»: *ич-i-н-да* (ТМ, с. 59₁₀ и 11, 85₂), *қаш-i-н-да* (ТМ, с. 80₉).

Для исх. падежа посессивно-именной парадигмы характерны регулярные и высокочастотные формы без интерфикса *-н-* после аффикса принадлежности 3-го лица, например: *хизр су(й)-i-дин* (ССИБ, с. 59, № 198) 'от живой воды', *тиши дурр-*

¹⁵ Е. М. Quatremère. Chrestomathie en turc oriental. P., 1841, с. 3₁₁, 30₁₀ («Тарих-и мулк-и 'аджам», цитируемое по этому же изданию, обозначается сокращенно: ТМ).

i-din (с. 21, № 45) 'из жемчуга ее зубов', *џафлат уйқу-сі-дін* (с. 10) 'от сна беспечности'. Только в одном случае встретилась форма исх. падежа с интерфиксом *-н-* после аффикса принадлежности: *дузах от-і-н-дін* (ССИБ, с. 15, № 33) 'от адского огня'. Столь же единичны, по-видимому, случаи употребления этой формы с интерфиксом *-н-* в языке поэтических произведений как Навои, так и его старших современников. Во всяком случае, у Навои из всего обследованного материала встретилась форма с интерфиксом *-н-* в «Махзан ул-асрар»: *ара-сі-н-дін* (ТХ, с. 286₁₀) 'из середины их'. Ср. также в поэзии старших современников Навои — Лютфи и Атай, у которых, кажется, названная форма встречается несколько чаще, чем у Навои и Бабур: *чарһ-і гіріфтар ел-і-дін йазамен * чиқмадїм һїджран қиш-і-дін йаза мен* 'Я блуждаю по воле превратной судьбы * Из зимы разлуки не выбрался в лето (соединения) я'¹⁶; *нйшк-лйр-і-н-дін* 'от их острия' и *білмйслїз-і-н-дін* 'от своего незнания'¹⁷.

Местоименная парадигма характеризуется формой род. падежа местоимения 1-го лица ед. числа *менїң* (ССИБ, с. 28, № 62) (как и в карлукском типе склонения), 3-го лица ед. числа *анїң* (ССИБ, с. 4), 1-го лица мн. числа *біз-ің* (ССИБ, с. 54, № 169 и 81, № 334) — последняя явно с формативом, имеющим вокалическое, а не консонантическое начало, т. е. как в огузском типе склонения. Для поэтического идиолекта Навои обычна форма *біз-ің*, отмечаемая также в его прозаическом идиолекте (см., например: ТМ, с. 97₂₀, с. 102₁); в поэтическом идиолекте наряду с *менїң* наблюдается «огузско-туркменская» *мен-ім* (см. обе формы в пределах одного бейта — ТХ, с. 281₄); колебания *мйнїң* (~ *мйнім*) при обычной генитива на *-ің* у местоимений личных, указательных, вопросительных (регулярная форма *біз-ің*) отмечены в «тефсире» (с. 27 и 36).

Форма род. падежа *біз-ің*, имеющая показатель с вокалическим началом, системно не коррелянтна с засвидетельствованной в ССИБ (с. 4, № 9) формой вин. падежа того же местоимения *біз-ні*, где представлен аффикс *-ні* с консонантическим началом. См. также: *өз-ўм-ні* (ССИБ, с. 1, № 1; 6, № 12; с. 14) 'меня самого', *өз-ўң-ні* (с. 1, № 1; 6, № 12; 12, № 25; 19, № 41; 59, № 198) 'тебя самого'; *сені* (с. 59, № 199).

Дат. - напр. падеж местоимений 1-го — 3-го лица ед. числа *мйнгй* (ССИБ, с. 9, № 18; 21, № 42) 'мне', *сйнгй* (ССИБ,

¹⁶ А. Н. Самойлович. Чагатайские туюги Лютфи.— ДАН-В. 1926, май—июнь, с. 79, 80. Исх. падеж с интерфиксом *-н-* при посессивном аффиксе 3-го лица регулярен для языка «тефсира» (стр. 29).

¹⁷ А. Н. Самойлович. Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе. IV. Чагатайский поэт XV в. Атай, с. 267, 268 (№ 19).

с. 25, № 55, с. 66,) 'тебе', *анга* (с. 66); *ёз-ўм-гя* (ССИБ, с. 21) и *ёз-ўм-я* (с. 6, № 13) 'мне самому'; *ёз-ўн-(г)я* (ССИБ, с. 58, № 198 и 59, № 200) 'тебе самому'. Для местоимения 1-го лица мн. числа форма *биз-я*, которая представлена у Навои (МА, с. LIV₁₄), в лирике Бабур не отмечена.

Учитывая все случаи морфологического параллелизма «в староузбекском литературном, или, точнее, поэтическом, языке», А. М. Щербак делает вывод «о наложении в нем одной на другую двух разных диалектных парадигм склонения — староузбекской и старотурецкой, шире огузской»¹⁸. Функционально-стилистический подход к анализу варианности падежных форм, которая в поэтическом языке не была обусловлена ни фонетически, ни грамматически, попытки как системной, так и количественной оценки каждого из таких параллельно употребляющихся вариантов позволяют внести некоторые уточнения в вывод А. М. Щербака.

При сопоставлении описанной выше картины падежного склонения в поэтическом идиолекте Бабур с таковой в языке «Бабур-наме» напрашивается вывод о стилистической обусловленности всех «огузско-туркменских»¹⁹ падежных параллелизмов в лирике Бабур. Между тем формы, принадлежащие уйгурско-узбекскому типу склонения, составляют стилистически нейтральную основу, которую и в количественном, и в качественном плане можно охарактеризовать как целостную центральную систему с системными взаимоотношениями членов внутри ее. В то же время наблюдения показывают, что на этом нейтральном фоне совокупность огузско-туркменских падежных форм, которая уже по своему стилистически обусловленному характеру является периферийной, не составляет вполне целостной «парадигмы», или, по нашей терминологии, целостной системы.

Прежде всего совокупность огузско-туркменских форм ущербна по составу своих членов: в именной парадигме ее представляет только дат.-напр. падеж с вокалическим началом после основы с консонантической финалью (причем зафиксирован *-а* в единственной словоформе — всего один раз), между тем как род. и вин. падежи с формативами, имеющими вокалическое начало, — *-иң*, *-и* — не наблюдаются; в посессивно-именной парадигме имеется дат.-напр. падеж на *-а* при аффиксах принадлежности 1-го и 3-го лица ед. числа, а также интерфикс *-н-* в локативных падежах при посессивном аффиксе 3-го лица, но нет род. и вин. падежей на *-иң*, *-и*; в место-

¹⁸ А. М. Щербак. Грамматика староузбекского языка, с. 106.

¹⁹ Этот термин А. Н. Самойловича в приложении к названным явлениям представляется нам более удачным, нежели конкретизация «старотурецкий, шире огузский» у А. М. Щербака.

именной парадигме наблюдается род. падеж *-iң* у местоимения 1-го лица мн. числа (*биз-iң*), но не встретилось вин. падежа *-i* для того же местоимения (ср. *биз-ни*). Из этого явствует, что между членами этой стилистически обусловленной ущербной периферийной системы склонения отсутствуют системные отношения. Следовательно, наличие одной падежной формы с вокалическим началом в формате не позволяет предсказать ни облигаторности появления гомогенной формы другого падежа²⁰, ни равновероятной частотности употребления этой последней. В самом деле, нерегулярность употребления огузско-туркменских форм усугубляется неравномерным распределением частотности, характеризующей каждую из этих форм. Наибольшее количество форм с огузско-туркменскими падежными форматами падает на местн. падеж с интерфиксом *-н-* при аффиксе принадлежности 3-го лица (но даже и его частотность не идет ни в какое сравнение с автоматически регулярным использованием местн. падежа без *-н-* в тех же условиях); на втором месте по количественному признаку оказывается дат.-напр. падеж на *-а* после аффикса 1-го лица ед. числа (впрочем, и его частотность значительно уступает частотности формата *-га*, параллельно употребляющемуся в этих же условиях); единичны словоформы дат.-напр. и исх. падежей с интерфиксом *-н-* при аффиксе принадлежности 3-го лица. Подобное неравномерное и непропорциональное распределение огузско-туркменских падежных форм по их частотности, с одной стороны, подтверждает именно периферийный характер ущербной системы, образуемой совокупностью этих форм. С другой стороны, сообразуясь с подобным количественным параметром этих форм в поэтическом идиолекте Бабура, можно, к примеру, предполагать, что лишь часть написаний типа *وصلینکا* должна читаться без *тешдида*, т. е. трактоваться как имеющая показатель дат.-напр. падежа *-а* после аффикса принадлежности 2-го лица ед. числа.

Ясно, таким образом, что «налагающиеся одна на другую» системы склонения в поэтическом идиолекте Бабура — целостная центральная система карлукского типа, с одной стороны, и ущербная периферийная система огузского типа — с дру-

²⁰ В самом деле, например, в ССИБ № 33 (с. 15) находим огузско-туркменские формы местн. и исх. падежей с интерфиксом *-н-* при аффиксе принадлежности 3-го лица: *от-i-н-дин* 'от его огня' и *қаш-i-н-да* 'перед ним', а рядом помещаются адекватные формы уже без интерфикса *-н-*: *ал-i-да* 'перед ним', *'ишқ-i-да* 'в любви к ней', *йўзи лайл-i-дин* 'от ночи ее лица' (т. е. 'от ее сумрачного лица'); в № 48 (с. 22) местн. падеж с интерфиксом *-н-* — *шиддат-i-н-да* 'в его несчастьи' — соположен с исх. падежом без интерфикса *лаззат-i-дин* 'от его сладости'.

гой, — не являются равноправными ни по своему характеру (целостная система и система ущербная в своей асимметричной неполноте и непропорциональности), ни по своему положению в ПЛЯ (центральная система и периферийная система), ни по своей частотности (регулярность и примерно равная частотность нейтральных форм карлукского типа склонения, с одной стороны, и нерегулярность, неравномерная частотность огузско-туркменских форм — с другой). Сопоставляясь в пределах одного текста, небольшого по размеру, адекватные гетерогенные формы, принадлежащие соответственно центральной системе склонения и ущербной периферийной системе, образуют в поэтическом идиолекте оппозиции, члены которых обладают совсем неодинаковой силой и функциональной нагрузкой, неравноценны по продуктивности, по регулярности употребления и по отношению к «норме» ПЛЯ²¹. Учитывая, что подобная же картина склонения свойственна и поэтическим произведениям Навои, а также то, что аналогичное проникновение огузско-туркменских форм отмечается и в области глагола, служебных имен, послелогов, можно, пользуясь словами В. В. Виноградова, охарактеризовать поэтический вариант среднеазиатско-тюркского ПЛЯ как своего рода «динамическую координацию двух структурных типов языка». С позиций такого подхода к поэтическому варианту ПЛЯ возможно будет по-иному объяснять «интенсивный процесс „брожения“ разностилевых, разнослойных элементов в поэтической речи»²².

Получившаяся в результате такой «динамической координации» сложная система склонения с различными степенями вибрации ряда функционально тождественных гетерогенных падежных форм может быть типологически верифицирована при обращении к современному состоянию узбекских диалектов и говоров. Так, в галляаральском говоре узбекского языка интерфикс *-н-* в посессивно-именной парадигме 3-го лица наличествует в местн. падеже, а в дат.-напр. падеже употребляется факультативно: *-(с)и-н-э ~ -(с)и-га*; параллелизм форматов дат.-напр. падежа *-а ~ -га* наблюдается после аффиксов принадлежности не только 3-го лица, но и также 1-го лица ед. числа: *-м-э ~ -м-гэ*; вибрация охватывает и гомогенные формы вин. падежа при посессивном аффиксе 3-го ли-

²¹ А. М. Щербак считает, что вообще «язык поэзии менее чувствителен к понятию нормы, чем язык прозы...» (см.: А. М. Щербак к. [Рец. на:] V. D g i m b a. *Syntaxe compare.* — НАА. 1974, № 3, с. 204).

²² Р. Дж. Магеррамова. Взаимоотношение диалектов и говоров азербайджанского языка с письменным литературным языком XVIII в. — Сөвещание по общим вопросам диалектологии [и] истории языка. Тезис докладов., с. 187.

ца: *-(с)и-ни ~ -(с)и-н*. Примеры вибрации различной степени глубины и охвата падежей можно видеть также в найманском, карнабском, кураминском (Ташкентской обл.) и ряде других узбекских говоров. Таким образом, данные современной узбекской диалектологии могут служить подтверждением положения А. К. Боровкова о том, что «источники этих диалектальных элементов („восточных“, или „караханидских“, и „юго-западных“, или „огузских“.—Г.Б.) находятся в самой Средней Азии... В дальнейшем эти диалектальные источники сыграли свою роль в образовании специально поэтического языка, достигшего такого блеска в творчестве Алишера Навои...» (с. 51)²³. Безусловно, не меньшее значение во внедрении огузских элементов в поэтический вариант ПЛЯ имела хорезмско-золотоордынская книжно-письменная традиция с ее высоким языковым престижем. Тем не менее, опираясь на данные современной диалектной карты Средней Азии (мы далеки, конечно, от мысли отождествлять ее со средневековым состоянием), можно предположить, что смешанное, неоднородное состояние падежного склонения в поэтическом варианте ПЛЯ находило поддержку в диалектах части населения Мавераннахра, также пользовавшейся ПЛЯ.

3. Падежное склонение в языке «Мубайин». В назидательно-дидактическом сочинении Бабура «Мубайин», написанном в стихотворной форме, соотношение центральной системы склонения карлукского типа и ущербной периферийной системы, предназначенной для выделения форм посессивно-именной и местоименной парадигм, уже несколько иное.

Прежде всего здесь еще более заметны доминирующее положение и целостность центральной системы карлукского типа склонения, нейтрализованной в отношении перекрещивания категорий падежа и принадлежности: ее показатели с консонантическим началом употребляются регулярнейшим образом и с наибольшей частотностью во всех трех парадигмах. См. род. падеж *-ниң*: *тәңри-ниң* (М 14а₄) 'бога', *сол-ниң* (М 37б₃) 'левого'; *көкс-и-ниң* (М 51а₃) 'его груди'; *аниң* (М 4б_{1, 2}, 6а₁₀, 8б₉, 11, 12а₃) 'его', *барча-ниң* (М 7б₁₀) 'всех', *һәр не-ниң* (М 7б₁₃) 'чего-нибудь'. Вин. падеж *-ни*: *халқ-ни* (М 13а₂) 'народ', *аш-ни* (М 5а₉) 'еду', *сөз-ни* (М 55б₁₀, 56а₉) 'слово'; *гәндж-им-ни* (М 98а₄) 'мою казну', *намаз-иң-ни* (М 51а_{1, 5}, 55б_{1, 12}) 'твой намаз', *тил-имиз-ни* (М 9а₁₃) 'наш язык'; *ани* (М 9а₁₁) 'его', *улар-ни* (М 9а₁₀, 51а₉) 'их'.

²³ В то же время склонение в языке «тефсира» оценивается с других позиций: «Склонение существительных в языке „тефсира“ отражает состояние хронологически разновременное (разрядка наша.—Г.Б.), характерное для памятников XI—XV вв. Это впечатление создают неоднородные формы склонения» (с. 25).

В посессивно-именной парадигме после аффикса принадлежности 3-го лица возможно двойное оформление вин. падежа, причем на равных правах, — посредством *-ni* и *-n*, нередко варьирование допустимо в пределах одной словоформы, ср. *намаз-и-ни* (М 51a₁₂, б₁₁, 52б₉, 54a₁, 55a₁₁) и *намаз-и-н* (М 90a₃, 91б₁₁) 'его молитву', *сöz-и-ни* (М 56a₃) и *сöz-и-н* (М 14б₆) 'его слово', *тәһәрәт-и-ни* (М 20б₇) и *тәһәрәт-и-н* (М 17a₈) 'его омовение'. Словоформы с показателями *-ni* и *-n* можно наблюдать буквально рядом в тексте одной главы, например: *зәкәт-и-н* (М 58б₇, 9) и *зәкәт-и-ни* (58б₆) 'его ежегодное пожертвование на бедных' (соотношение тех же словоформ — М 59a₉ и 10, 11), *һәр ики-си-н* (М 91б₇) и *һәр ики-си-ни* (М 91б₄) 'каждого из них двоих', *султанат шиwә-си-н* (М 10б₆) и *султанат шиwә-си-ни* (М 10б₄) 'привычку [к] верховной власти'. В языке «Мубаййин» можно отметить гиперизм показателя *-n*, который здесь имеет тенденцию выйти за пределы строго локализованной части посессивно-именной парадигмы и проникнуть в склонение отдельных местоимений: при закономерных формах вин. падежа *бар-и-ни* (М 5a₅, 14б_{6,10}) 'всех', а также *бару-си-н* (М 3б₇) 'всех их' (ср. еще: *ошбулар-и-н* (М 18a₆) 'вот этих [принадлежащих им]') местоимение *бар-и/бару* 'все', 'всё' встречается также в аккузативной форме *бар-и-н* (М 4a_{1,3}, 18a₄), видимо возникшей в результате переосмысления (архаизации) *бар-и-н*²⁴.

Д а т. - н а п р. па де ж в именной и местоименной парадигмах, а также во всех частях посессивно-именной парадигмы имеет, как правило, показатель с консонантическим началом: *-gä|-kä*, *-fa|-qa*. Примеры: *һақ-қа* 'богу' и *йахши-ға* 'хорошему' (М 3a_{1,6}), *инсан-ға* 'человеку' и *көңләк-кә* 'рубашке' (3б_{3,4}), *биз-гә* (М 10б₁₁, 13б₁₁) и *биз-ләр-гә* (М 10б₁₂) 'нам'; *анга* (М 6a₅) 'ему', *мунга* (М 4a₁₀) 'этому', *өз-ләри-гә* (М 6б₁₀) 'им самим'; *елик-им-гә* (М 98a₁) 'моей руке', *һад-и-ға* (М 97б₁) 'твоему жертвоприношению'; *иш-и-гә* (М 4б_{1,2}, 9a₁₁, 10a₇, 97a₃) 'его делу', *аһ-и-ға* (М 51a₈, 98a₄) 'его народу', *ел-и-гә* (М 11a₃, 13б₉, 98б₆) 'его народу', *бир-и-си-гә* (М 7б₆, 19a₈) 'одному из них', *мулк шйран болур-и-ға* (М 10б₆) 'к тому, чтобы государство стало опустошенным', *қилмағ-и-ға* (М 55б₁₃) 'к его деланию'.

М е с т н. па де ж во всех трех парадигмах имеет показатель *-да*; в посессивно-именной парадигме при аффиксе принадлежности 3-го лица интерфикс *-н-* в этом случае, как правило, отсутствует: *йил баш-и-да айағ-и-да* (М 56б₅) 'в нача-

²⁴ Ср.: Л. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. 1. СПб., 1869, с. 221: *бар-и* «имеющееся, всё, все, целый»; ДТС, с. 84: *bar-и* «все» и с. 83: *bar* «2. находящийся наличю наличный: весь».

ле (и) конце года', *түнләр-и-дә* (М 51a₁₂) 'в его ночах'; *йол-и-да* (М 97b₂) 'на его пути', *иш-ләр-и-дә* (М 46₅) 'в его делах'.

Исх. падеж во всех трех парадигмах выступает с показателем *-дін*; в посессивно-именной парадигме при аффиксе принадлежности 3-го лица интерфикс *-н-* в этом падеже, как правило, не представлен: *көз-и-дін* (М 50a₃) 'из его глаз', *айаф-и-дін* (М 53a₃) 'от его ног', *сифатлар-и-дін* (М 5a₃) 'из его качеств', *һәр қай-си-дін* (М 196₃) 'от каждого из них', *ошбу ікі-си-дін* (М 96a₃) 'от именно этих двух из них'.

Ущербная периферийная система склонения огузского типа, характерная для поэтического варианта ПЛЯ, представлена в «Мубаййин» считанными формами. Дат.-напр. падеж на *-а* отмечен только после аффикса принадлежности 1-го лица ед. числа, причем лишь в двух словоформах, которые могут быть отнесены к поэтической лексике, — *мурад-им-а* М 146₅ (то же МБ 246), 'моей цели' и *дәрд-им-а* М 25b₁₁ (то же МБ 262₁₃) 'моему страданию'. При именах с аффиксом принадлежности 3-го лица форматив дат.-напр. падежа *-а* не наблюдается; в этих условиях интерфикс *-н-* отмечен всего лишь в одной словоформе и притом в сочетании с формантом *-фа*: *нисаб-и-н-фа* (М 56b₁₁) 'определенному размеру его имущества, подлежащему оплате десятинной податью', ср. близко в тексте дважды повторенную обычную словоформу без интерфикса *-н-*: *нисаб-и-фа* (М 58a_{2,8}). Необычная для языка Бабура словоформа *нисаб-и-н-фа* может быть интерпретирована двояко. Во-первых, и это самое простое, можно предположить описку переписчика, ср. сходную, совершенно явную описку в «Бабур-наме»: *көңл-(у)м-н-га* (БН 426₁₁)²⁵. Во-вторых, необычная для языка Бабура словоформа может быть диахронически верифицирована фактами, принадлежащими различным тюркским языкам в разные периоды их развития, в том числе — древнеуйгурскому и современным тувинскому и шорскому (в последнем формы *-и-н-га*|*-и-на* употребляются параллельно); сочетание морфем *-(с)и-н-фа* было обычным в языке «Кутадгу билиг», а также среднеазиатского тефсира XIV—XV вв. (с. 27). На этом основании можно предположить, что в языке Бабура эта форма — единичный осколок, который либо сохранился от более старой книжно-письменной традиции, либо привнесен переписчиком, владевшим этой традицией. Как подтверждение этой гипотезы можно было бы рассматривать столь же единичную форму именно того же самого слова в исх. падеже с интерфиксом *-н-* (при восстанавливаемом во время чтения аффиксе принадлежности 3-го лица — дело в том, что *йай* в этой словоформе не

²⁵ Эта описка отмечена также в кн.: С. Brockelmann. Osttürkische Grammatik, с. 74.

проставлен: نصابدين *niṣab-(i)-n-din* (М 58a₇). Эта форма в тексте «Мубаййин» также выглядит необычным вкраплением на фоне регулярного отсутствия интерфикса *-n-* в названных условиях.

В местн. падеже интерфикс *-n-* при аффиксе принадлежности 3-го лица зафиксирован в пяти словоупотреблениях: *су(ш) бар-и-н-да* (М 30a₉, то же: МБ 269₅) 'при наличии воды', а также еще в двух рифмующихся словоформах, каждая из которых встречается по два раза, — *ада-си-н-да* (М 33б₁, 39б₁₂) 'в исполнении его' и *ара-си-н-да* (М 33б₁, 39б₁₂) 'среди них'; ср. обычное отсутствие интерфикса *-n-* в названных условиях для служебных имен: *ара-си-да* (М 94б₃), *уст-и-дä* (12б₇, 90a₁₁, 97б₇) 'на нем', *ал-и-да* (8a₁₀, б₇) 'перед ним', *йан-и-да* (17б₅) 'рядом с ним', *аст-и-да* (18a₇) 'под ним', *ич-и-дä* (12б₈, 15a₈) 'в нем'.

Таким образом, падежные формы, представляющие в языке «Мубаййин» ущербную периферийную систему поэтического варианта ПЛЯ, здесь еще более разрозненны и единичны, обладая прямо-таки ничтожной частотностью и нулевой регулярностью. Весьма показательно, однако, что в сравнении с языком лирики Бабур в языке «Мубаййин» убывание (или «свертывание») форм ущербной периферийной системы огузского типа происходит строго пропорционально в зависимости от отмеченной частотности каждой из форм в текстах лирики. Самое большое число словоупотреблений (пять) в «Мубаййин» приходится на формы местн. падежа с интерфиксом *-n-* при аффиксе принадлежности 3-го лица (в языке лирики эта форма по частотности занимает первое место). Две словоформы отмечены для дат.-напр. падежа на *-a* при аффиксе принадлежности 1-го лица ед. числа (в языке лирики эта форма по частотности стоит на втором месте), по одной форме — для исх. и дат.-напр. падежей с интерфиксом *-n-* при аффиксе принадлежности 3-го лица (форма дат.-напр. падежа в этих условиях имеет ярко выраженный не огузский, но кыпчакский характер), причем и в языке лирики соответствующие словоформы являются единичными.

Так или иначе, в языке «Мубаййин» репертуар иносистемных падежных форм доведен до минимума. Если в языке лирики можно говорить о парадигматической избыточности форм падежного склонения, то в «Мубаййин» о подобной избыточности не может быть речи: огузско-туркменские формы здесь действительно являются единичными и разрозненными вкраплениями. Думается, что минимальная дозировка этих форм (что особенно заметно при учете тех же форм в языке лирики) здесь целиком обусловлена предметом изложения, а главное — назначением текста. «Мубаййин» — «Объясняющий» — адресо-

ван подрастающему сыну Бабура, Хумаюну, и излагает хотя и в стихотворной форме, но предельно ясным, лишенным поэтических украшений языком нормы поведения правоверного мусульманина в обыденной жизни.

Из этого факта вытекают два вывода. Во-первых, при сравнении в изучаемом плане языка лирики Бабура и языка «Мубайин» совершенно ясно видно, что Бабур сознательно относился к употреблению иносистемных, огузско-туркменских и прочих, форм и сознательно регулировал их частотность в зависимости от предмета и, главное, от предназначения поэтического текста. Во-вторых, если Бабур стремился упростить поэтический язык произведения, предназначенного для юного поколения, предельно сокращая употребление иносистемных форм, то это значит, что, с одной стороны, речевые границы общенародного употребления этих форм были различными, а с другой — что даже разные поколения одной семьи обладали речевыми умениями разной степени сложности, видимо, в зависимости от уровня образованности, литературного опыта и пр. Учитывая это и исходя из неодинаковых частотных соотношений гетерогенных, но функционально тождественных падежных форм в поэтических произведениях, адресованных взрослому читателю и юному читателю, видимо только приобщавшемуся к чтению, можно предложить следующую гипотезу. Скорее всего, обыденному, разговорному языку, которым пользовались в семье даже привилегированного образованного сословия, эти формы были несвойственны и, напротив, были свойственны формы, принадлежащие к центральной системе склонения карлукского типа: ведь для того чтобы текст был понятен, его формально-лингвистические характеристики не должны во многом расходиться с языковой системой читателя, которому адресован текст. Тем самым ставится под сомнение утвердившееся мнение о «сильно смешанном» характере ПЛЯ XIV—XV вв. — вполне отчетливо открываются основа этого языка, нейтральная для всех стилевых вариантов ПЛЯ, и сознательно дозируемые иносистемные напластования, которые по традиции использовались преимущественно в поэтическом варианте ПЛЯ.

Таким образом, и в поэтическом варианте ПЛЯ, как он представлен в творчестве Бабура, можно произвести своего рода субстилевою стратификацию по изучаемым признакам, ибо, обладая различной частотностью, а следовательно, различной дистрибуцией в языке произведений разных стихотворных жанров, иносистемные формы ущербной периферийной системы падежного склонения могут служить различительными, дистинктивными признаками. В самом деле, язык лирики Бабура представляет более свободное взаимодействие системно

противопоставленных, гетерогенных падежных форм, подлинную «динамическую координацию двух структурных типов языка». Между тем в языке «Мубайин» динамичность подобного взаимодействия ограничена жесткими рамками строго минимального дозирования иносистемных форм и явного доминирования нейтральных форм карлукского типа. Уже на основании неодинаковости принципов соотношения и взаимодействия адекватных гетерогенных падежных форм, а следовательно, неодинаковой меры динамичности того и другого текстов приходится усматривать в языке лирики Бабура и языке «Мубайин» разные субстилевые варианты. Из их сопоставления особенно заметно, что иносистемные формы несут определенную стилистическую нагрузку, являясь одним из значимых компонентов именно «высокого» поэтического стиля. Косвенным подтверждением тому являются и данные «Бабур-наме» по исследуемому вопросу.

4. Падежное склонение в языке «Бабур-наме». Для именной парадигмы характерно, что все падежи имеют формативы исключительно лишь с консонантическим началом независимо от того, оканчивается склоняемое имя на гласный или на согласный. Род. падеж *-ниң*: *мирза-ниң* (БН 55₇) 'мирзы' и *қурбан-ниң* (БН 6₂) 'крепости', *хандақ-ниң* (БН 108₂₀) 'окопа, рва'. Вин. падеж *-ни*: *су(ш)-ни* (БН 139₂) 'воду' и *черік-ни* (БН 80₂₃) 'войско', *таш-ни* (59₅) 'камень', *масдждид-ни* (58₆) 'мечеть', *Сайрам-ни* (24₁₇). Дат.-напр. падеж *-га| -қа*: *ара-ға* (БН 44₁₃, 305₂₃) 'между', *мирза-ға* (21₂₀) 'мирзе' и *қушлар-ға* (6₁₉) 'птицам', *йаш-қа*, *шілайат-қа* (БН 149_{11, 12}) 'возрасту', 'владению'. Местн. падеж *-да*, *-та*: *һисар-да* (БН 37₁₉) 'в Хисаре', *йұрт-тә* (53₁₈) 'в лагере, на стоянке'. Исх. падеж *-дін*, *-тін*: *ташқарі-дін* (БН 44₄, 50₈) 'извне', *Ўзбек-дін* (35₂₁) 'из узбеков', *сіясәт-тін* (20₁₈) '[после] наказания'.

При сопоставлении различных списков и изданий «Бабур-наме» видно, что расхождения и разночтения в области падежей никоим образом не затрагивают парадигматической природы падежных формативов (эти последние при любых взаимозаменах сохраняют консонантическое начало), а касаются лишь их функционирования. Ср., например, род. падеж *-ниң* в Хайдарабадском списке²⁶: *мирза-ниң* (BN 446₁₁), *һасан-ниң* (536₇), *арбунлар-ниң* (2106₈), *йіл-ниң* (2156₁₄) и соответственно

²⁶ The *Bābar-nāma*. Ed. by A. Beveridge. Leyden — London, 1905 (далее — BN). Приняты также следующие сокращения: К — Керовский список «Бабура-наме», хранящийся в Рукописном отделе ЛО ИВАН СССР под шифром Д 685; С — список Сенковского, который хранится там же под шифром Д 117.

вин. падеж *-ні* в БН: *мірза-ні* (55₁₀), *хасан-ні* (66₁₁), *арбунлар-ні* (267₁₂), *йіл-ні* (274₁₈); заметно реже бывает наоборот: вин. падеж *-ні* в ВН (2126₈ *хазанлар-ні*) и род. падеж *-нің* в БН (280₆ *хазана-нің*). Подобные взаимозамены можно наблюдать также в Керовском списке и, например, в рукописи Сенковского; ср. род. падеж *-нің* в первом (К 97: *қазі-нің*) и вин. *-ні* во второй (С 15: *қазі-ні*), и наоборот (К 80, 124: *хан-ні*, но С 13, 18: *хан-нің*). Примеры взаимозамены дат.-напр. падежа *-ға*, *-гә* (БН 24₁₈: *мірза-ға*, 321₅: *бағ-і шаға-ға*, 323₁₃: *баджур-ға*, 293₉: *кімә-гә*) и местн. падежа *-да* (соответственно ВН 20а₈: *мірза-да*, 249а₁₃: *бағ-і шаға-да*, 251а₄: *баджур-да*).

Посессивно-именная парадигма в формантном отношении почти ничем не отличается от именной парадигмы. Основной показатель перекрещивания категорий падежа и принадлежности — интерфикс *-н-* после посессивного аффикса 3-го лица — в прозаическом тексте «Бабур-наме» полностью отсутствует. Падежное оформление имен с аффиксами принадлежности 1-го и 2-го лица как ед., так и мн. числа не имеет никаких различий внутри себя и ничем не отличается от именной парадигмы; склонение имен с аффиксом принадлежности 3-го лица имеет только одно отличие, и притом факультативное, а именно оформление вин. падежа формативом *-н*. Для посессивно-именной парадигмы, как и для именной, характерны падежные формативы исключительно с консонантическим началом.

Склонение имен с аффиксами принадлежности 1-го и 2-го лица ед. и мн. числа: вин. падеж *-ні* — *різа-м-ні*, *іні-ң-ні* (БН 452₂₀) 'мое согласие', 'твоего младшего брата'; *йігітлар-іміз-ні* (БН 132₁₀) 'наших молодцев', *шілайатлар-іміз-ні* (133₂) 'наши округа', *хабар-іміз-ні* (49₂) 'наше сообщение'; дат.-напр. падеж *-ға*, *-гә* — *қаш-ім-ға* (БН 143₁₁, 453₄) 'ко мне', *рубаруй-ім-ға* (144₁₁) 'навстречу мне'; *қаш-ің-ға* (БН 452₂₁) 'к тебе'; *үст-іміз-гә* (343₈) 'на нас', *үй-іміз-гә* (282₃) 'в наш дом'; местн. падеж *-да* — *менің ал-ім-да* (БН 196₁₇) 'передо мной'.

Склонение имен с аффиксами принадлежности 3-го лица: род. падеж *-нің* — *ат айағ-і-нің* (БН 36₁₆) 'ног коня', ср. *өз-і-нің* (БН 29₁₁, 108₆) 'самого себя'; дат.-напр. падеж *-гә*, *-ға* — *көз-ләр-і-гә* (БН 46₁₈) 'в его глаза', *таңрі раһмат-і-ға* (БН 190₂₃) 'к милости божьей', *аһл-і-ға* (БН 38₁) 'его населению'; местн. падеж *-да* — *қазақліз-і-да* (БН 213₂) 'во [время] его казначества', *дарваза-сі-да* (143₁₄) 'в его воротах', *таң баш-і-да* (149₁₈, 446₉) 'в начале утра'; исх. падеж *-дін* — *барі оғанлар-і-дін*, *барі қызлар-і-дін* (БН 10_{14,18}) 'из

всех его сыновей', 'из всех его дочерей', *ата-си-дин* (БН 396₆) 'от его отца'.

Единственное отличие посессивно-именной парадигмы от именной приходится на вин. падеж имен, снабженных аффиксом принадлежности 3-го лица, — в оформлении этого падежа здесь имеются колебания. С одной стороны, как и в именной парадигме и других частях посессивно-именной парадигмы, для имен с аффиксом 3-го лица используется, причем весьма часто, обычный показатель вин. падежа *-ни*: *хабар-и-ни* (198₁₇) 'его известие', *ат-и-ни* (41₃) 'его коня', *хатун-и-ни* (30₇) 'его жену', *баш-и-ни* (БН 265₁₃, ВН 208а₁₂) 'его голову'. С другой стороны, наряду с *-ни*, хотя здесь и заметно реже его, в этом случае употребляется гомогенный (с консонантическим началом, но без гласной финали) формант *-н*. Примеры, встретившиеся нам в издании Ильминского, немногочисленны: *илқилар-и-н сўруб кишила р-и-н олтуруб* (БН 88₃) 'угнав много их скота, убив много их людей', *қалін киши-си-н қірған үчүн* (БН 14₉) 'из-за того, что истребил много их людей', *йигитлар-и-ни харса таб-и-н қіліб* (БН 19₁₀) 'создав особый отряд [из] его молодцов'. Правда, сопоставление этого издания с коренным для него Керовским списком и с рукописью Сенковского показывает, что в некоторых, довольно редких случаях Н. И. Ильминский «подравнивал» отдельные формы с *-н* под более распространенные на *-ни*, ср. К 118: *іхтіяр-и-н* (اختيارين), так же С 17, но БН 26: *іхтіяр-и-ни* (اختياريني). Если исходить из отмеченного случая замены Н. И. Ильминским *-н* на *-ни*, можно было бы предположить, что именно этим и вызваны подобные же расхождения между его изданием и изданием Хайдарабадского списка; ср. ВН 231а₄: *киши-си-н*, но БН 295₁₀: *киши-си-ни*; ВН 356₆: *таpн-и-н* 'его резервный отряд', но БН 43₂₃: *таpн-и-ни*; ВН 406₆: *д̣жихат-и-н* 'его причину', но БН 50₄: *д̣жихат-и-ни*. Однако подобной трактовке препятствует наличие примеров противоположного характера, когда показателю *-ни* в Хайдарабадском списке соответствует *-н* в издании Ильминского; ср. БН 422₁₉: *иш-и-н* 'его дело', но ВН 327а₅: *иш-и-ни*. Если же учитывать при этом, что в языке лирики Бабура и в языке «Мубаййин» формы на *-ни* и *-н* обладают одинаковой грамматической регулярностью, их можно признать стилистически равноправными в ПЛЯ XV — начала XVI в.

В целом же расхождения в области посессивно-именной парадигмы по изданным и неизданным спискам и рукописям «Бабур-наме» не затрагивают падежной парадигматики (в результате этих расхождений не появились гетерогенные варианты падежных показателей), а касаются лишь функциони-

рования отдельных падежей, семантика которых допускает их взаимозамены.

Местоименная парадигма в целом также располагает падежными показателями с консонантическим началом. Род. падеж *-ниң*: 1-е лицо ед. числа *мениң* (БН 80₁₀, 92₇, 129₆, 144₁₂, 242₁₅, 251₁₅, 452₁₉, 453₄), 1-е лицо мн. числа *биз-ниң* (БН 75₃, 81₂₃, 101₁₂), *биз-ләр-ниң* (83₁₉) (ср. разные способы образования субстантивированного притяжательного местоимения — на базе род. падежа *биз-ниң-ки* (БН 101₂₀) или же вин. падежа *биз-ни-ки* (БН 135₁₂), но в том и другом случае с использованием показателей с консонантическим началом); 2-е лицо ед. числа *сениң* (БН 30₈) (ср. притяжательное местоимение *сеники* (БН 264_а)) и мн. числа *сиз-ниң* (БН 144₁₄). Род. падеж местоимения 3-го лица ед. числа представлен двумя формами — более частотной *аниң* (БН 26₂₀, 206₂₁, 207₂₀, 213_{3,13}, 220₁₈) и весьма редкой *униң* (БН 351₁₂, то же БН 271_а₁₄; *униң*), мн. числа *алар-ниң* (БН 29₂₃); род. падеж *-ниң* указательных местоимений *му-ниң* (БН 220₁₈), *бу-лар-ниң* (БН 343₂₃), возвратного местоимения *өз-и-ниң* (БН 180₂₃). Вин. падеж *-ни* лично-указательных местоимений *ани* (БН 52₁), *ошбу-ни* (БН 264₁), возвратного местоимения *өз-ләри-ни* (БН 126₂₂), неопределенного местоимения *һәр ким-ни* (БН 351₁₂). Дат. напр. падеж *-гә*, *-ға*, очень редко *-қа* — все эти форматы представлены в варьирующихся словоформах местоимения 1-го лица ед. числа, ср.: *мен-гә* (БН 11₂, 126₂, 146₁₆), *мән-гә* (БН 451_{1,5}), *ман-ға* (БН 120₂₀), *ман-қа* (БН 127₂₂, 128₂₁, 141₂); местоимения 1-го лица мн. числа *биз-гә* (БН 47₆, 79₂); 2-го лица ед. числа *сен-гә* (БН 320₂₂, 451_{1,5,21}) и мн. числа *сиз-гә* (БН 144₁₂); 3-го лица ед. числа *анга* (БН 11₄, 255₁₉) и мн. числа, в двух формах — *алар-га* (БН 67₁₃) и *улар-ға* (125₂₁), возвратного местоимения *өз-и-гә* (БН 29₉) и указательных *мунга* (БН 31₅), *мундақ-қа* (БН 214₁₀). Местн. падеж *-да*: ср. формы лично-указательных местоимений *анда* (БН 247₇) и *унда* (БН 118₉), *алар-да* (БН 350₂), *мунда* (БН 19₁), *ошбунда* (БН 468₁₀, 490₂₀). Исх. падеж *-дін*: 1-е лицо мн. числа *биз-дін* (БН 108₆), 3-е лицо мн. числа — в двух формах *алар-дін* (БН 44₉) и *улар-дін* (БН 118₁₂), указательного местоимения *ошандін* (БН 112₂₃).

Местоименная парадигма для всех типов тюркского склонения представляет собой наиболее сложный случай переkreщивания категорий падежа и «притяжательности~местоименности», требующий особого изучения. Отметим только, что в «Бабур-наме» не наблюдается падежных форм местоимений, которые бы резко противоречили обрисованному выше единству именной и посессивно-именной парадигм. Во всяком случае, «огузско-туркменская» форма род. падежа местоиме-

ния 1-го лица ед. числа *менім* (БН 267₂₀) воспринимается как единичное инородное вкрапление²⁷ на фоне обычного *менің*, к тому же она не подтверждается ни соответствующим текстом ВН 211а₂, где она не зафиксирована, ни данными поэтического идиолекта Бабура, которому она не свойственна. Остальные расхождения изданий Н. И. Ильминского и А. Бевридж не затрагивают парадигматики личных и прочих местоимений, не показывают расхождений в характере падежных форматов, но относятся лишь к функционированию соответствующих форм. Ср. БН 320₂₂: *сәһ-гә болсун* 'пусть будет тебе' и ВН 264а₁: *сенікі болсун* 'пусть будет твоим'. Ср. также случаи взаимозамены род. и вин. падежей местоимений: ВН 210б₁₂: *біз-нің*, БН 265₁₅: *біз-ні* и противоположный случай: БН 14₁₄: *муниң*, но ВН 13б₁₁: *муни*.

В целом падежное склонение в его основных соотношениях именной и посессивно-именной парадигм для языка «Бабур-наме», наиболее полно представляющего прозаический вариант ПЛЯ своего времени, должно быть охарактеризовано как целостная система, последовательно гомогенная и единообразная, пропорциональная и симметричная, с очень незначительной, мозаично-единичной вибрацией в строго локализованной части посессивно-именной парадигмы (причем второй член вибрирующей пары показателей вин. падежа *-ні* ~ *-н* для имен с аффиксом принадлежности 3-го лица, во-первых, гомогенен всей анализируемой системе склонения, во-вторых, обладает гораздо меньшей частотностью, чем обычный *-ні*). Посессивно-именная парадигма почти полностью (за исключением указанной факультативной и менее частотной черты — вин. падеж *-н*) выводима из именной парадигмы; обе парадигмы предсказуемы во всех своих частях. Тип падежного склонения, представленный в языке «Бабур-наме», — четко выраженный карлукский.

5. О роли Бабура в решении проблем лингвостилистической стратификации ПЛЯ. Если сравнить в изучаемом отношении язык «Бабур-наме» и язык лирики, язык «Мубайин», то становится видно, что в прозаическо-мемуарном жанре вполне осознанно произведен целенаправленный отбор падежных форм и проведена значительная регламентация в области склонения в аспекте утверждения карлукского его типа как пока еще не кодифицированной нормы. Именно трудами Навои и

²⁷ Столь же неожиданные и единичные «огузско-туркменские» формы, например *білмам* БН 402₄ (ср. ВН 310а₁₁ *білман*, тоже огузская форма, но довольно часто употребляющаяся в «Бабур-наме») и *ілә* С 20 (К 148, БН 32 *біла*), по-видимому, также целиком лежат на совести переписчика.

Бабура формам карлукского типа склонения был придан известный языковой престиж²⁸.

Языковой анализ «Бабур-наме» показывает, что в лингвистическом плане Бабур пошел дальше Навои: он с полной четкостью разграничил формально-лингвистические средства, используемые, с одной стороны, в поэзии, а с другой — в прозе, и тем самым окончательно завершил дифференциацию поэтического и прозаического вариантов ПЛЯ, начатую трудами Навои. «Бабур-наме», признаваемое «крупным явлением в литературной жизни первой четверти XVI в.»²⁹, представляет собой образец завершенности такой дифференциации: в этом прозаическом произведении Бабур сознательно избегает огузско-туркменских форм, причем не только в склонении, но также, например, в области послелогов и служебных имен, вспомогательных глаголов (из этих последних употребляются только *қил-* 'делать', но не *айла-*, и *бол-* 'становиться', но не *ол-*).

Новаторству Бабура в лингвистическом аспекте способствовали факторы социолингвистические и, в частности, его более высокое и независимое (по сравнению с Навои) социальное положение: этот «образованнейший человек своего времени и блестящий поэт»³⁰, недюжинный писатель и трезвый хронограф, принадлежащий к правящей тимуридской верхушке, а впоследствии ставший основателем империи Великих Моголов, не подлаживался к вкусам и запросам придворной литературы, изощрявшейся в нанизывании изящных метафор и «лучезарно-красноречивых фраз». Бабур был оригинален не только в плане содержательном (что в историографической литературе отмечалось не единожды); что касается вопросов языка и стиля, то он первым осуществил настойчивое пожелание знаменитого предшественника — Тимура, который некогда безуспешно требовал от составителя «Дневника похода Тимура», чтобы сочинение было написано «языком, далеким от витийства и близким к пониманию»³¹. В «Бабур-наме», написанном, по сло-

²⁸ В иных терминах это признавал А. К. Боровков. Говоря о «наличии „вставочного“ *н* при локативных падежах после основ с посессивным аффиксом 3-го лица», он указывал: «Это морфологическая особенность памятников до эпохи Навои, когда закрепилось склонение локативных падежей без „вставочного“ *н*» (с. 29).

²⁹ История Узбекской ССР. Т. 1. Кн. 1. Таш., 1955, с. 448. См. также: С. А. Азизов. Предисловие.— Бабур-наме. Записки Бабура. Таш., 1958, с. 5, 7.

³⁰ История Узбекской ССР. Т. 1. Кн. 1, с. 447.

³¹ Гийасаддин 'Али. Дневник похода Тимура в Индию. М., 1958, с. 24. В связи с вышесказанным представляет интерес тот факт, что и другой писатель, бывший одновременно полководцем и императором,— Кай Юлий Цезарь, с военными записками которого нередко сравнивают «Бабур-наме», был, так же как и Бабур, пуристом в отношении языка (А. Мейе. Сравнительный метод в историческом языкознании. М., 1954, с. 16).

вам Н. И. Ильминского, «без всякого притязания на литературное щегольство» (БН, Предисловие, с. I), отказ от традиционных риторических украшений и лингвостилистических ухищрений, зримая простота языка, как теперь можно видеть, были результатом, во-первых, сознательного отказа Бабура от весьма престижной до него языковой традиции, дань которой писатель отдал в своей лирике, и, во-вторых, его смелого, новаторского подхода к проблемам языка и стиля³².

Опираясь на предварительные наблюдения, по данным произведений Навои можно было бы предложить нижеследующую стилистическую стратификацию ПЛЯ: 1) поэтический («высокий») стиль — соответственно поэтический вариант ПЛЯ; 2) прозаический стиль — соответственно прозаический вариант ПЛЯ, отличающийся от поэтического меньшей насыщенностью огузско-туркменскими формами, которые здесь имеют ярко выраженный характер разрозненных вкраплений: а) «высокий» прозаический стиль с облигаторным (как и в поэзии) наличием иносистемных элементов — своего рода переходная ступень от поэтического стиля к нейтрализованному прозаическому; б) нейтрализованный прозаический стиль.

Стилистическая стратификация ПЛЯ по данным произведений Бабура предстает уже в несколько измененном (смещенном) виде: 1) поэтический стиль — соответственно поэтический вариант ПЛЯ: а) «высокий» поэтический стиль со значительной степенью насыщенности иносистемными формами; б) нейтрализованный поэтический стиль, по умеренности использования иносистемных форм представляющий собой как бы переходную ступень к нейтральному стилю; 2) прозаический нейтральный стиль, исключая употребление иносистемных форм, по крайней мере в области падежного склонения, послелогов и служебных имен, вспомогательных глаголов.

Из этих двух лингвостилистических построений можно видеть, что литературной деятельностью Навои и Бабура была узаконена стилистическая стратификация ПЛЯ: поэтический вариант ПЛЯ — прозаический вариант ПЛЯ, каждый со своими, от Навои к Бабуру все более специализирующимися формально-лингвистическими средствами выражения. На эту объективно существовавшую в XV — начале XVI в. стилистическую стратификацию как бы налагается индивидуальное, а именно

³² Учет вышеназванных обстоятельств, как и самого характера языка «Бабур-наме», может способствовать решению давно дискутируемого вопроса о том, представляет ли собой это произведение подневные записи их автора, которые делались непосредственно сразу после описываемого события, или же оно было создано целиком в более поздний период жизни Бабура. Основываясь на том, как решаются вопросы стиля и использования формально-лингвистических средств выражения в «Бабур-наме», мы склоняемся ко второй из названных гипотез.

авторский подход к лингвистическим проблемам своего времени, к языковому престижу литературно-письменной традиции.

6. О природе ПЛЯ XV — начала XVI в. и некоторых направлениях его развития. На примере изучения характера соотношений стилистических различительных элементов в языке разножанровых произведений Бабура ясно видно, как необходим строго дифференцированный подход к языковым явлениям в плане принадлежности их к поэтическому или прозаическому варианту ПЛЯ. В противном случае квалификация их будет недостаточно точной. Так, например, по поводу интерфикса *-н-* в формах локативных падежей имен с аффиксами принадлежности 3-го лица говорится: «...нет его и в памятниках XV—XVI вв., но группа памятников сохраняет „вставочное *н*“»³³ или: «Это морфологическая особенность памятников до эпохи Навои, когда закрепилось склонение локативных падежей без „вставочного *н*“» («тефсир», с. 29). Между тем из приведенного анализа видно, что наличие или отсутствие интерфикса *-н-* в названных грамматических условиях в произведениях как самого Навои, так и Бабура является стилистически обусловленным и зависит от того, с поэтическим или прозаическим вариантом ПЛЯ мы имеем дело. Точно так же не упоминается о принадлежности к поэтическому варианту ПЛЯ, когда относительно к жанру констатируется наличие падежных формативов с вокалическим началом³⁴, между тем, как явствует из авторских примеров, имеется в виду именно поэтический вариант ПЛЯ.

Другой способ подачи иносистемных форм — это, также не отмечая их стилистической обусловленности, преподносить различия типов склонения в качестве фонетических явлений, связанных «с утратой начального консонанта» или «ослаблением» *-qa*, *-ya*, *-ga* в *a*³⁵, хотя из приводимых примеров видно, что подобные «утраты» и «ослабления» действуют только в языке поэзии. Не дают представления об истинных соотношениях гетерогенных падежных форм также и указание на то, что в локативе «в языке поэзии после посессивного суффикса 3-го лица часты *-nda/-ndä*» и в аблативе «в языке поэзии после посессивного суффикса 3-го лица часты *-ndin/-ndin*»³⁶, тем более что примеры подчас приводятся без документации. Частотность иносистемных падежных форм также

³³ См.: А. Қ. Боровков. Очерки по истории узбекского языка. I, с. 247.

³⁴ А. М. Щербак. Грамматика староузбекского языка, с. 106, 112—113. Ср. наличие соответствующих помет в кн.: J. Eckmann. Chagatay manual. Bloomington, 1966. с. 86, 92, 84—95.

³⁵ С. Brockelmann. Osttürkische Grammatik, с. 154 и 74.

³⁶ J. Eckmann. Chagatay manual, с. 92 и 94—95.

требует конкретизации. Например, в поэзии Бабура формы *-н-дин* единичны; они не столь широко употребительны, как, например, *-н-да*, и в поэзии Навои; закономерен, таким образом, вопрос: в произведениях каких именно поэтов *-н-дин* используется часто?

Подача всех гетерогенных падежных форм в едином потоке как свойственных в целом ПЛЯ XV—XVI вв., без разграничения его поэтического и прозаического вариантов, делает возможным утверждения как о «ясно выраженной тенденции отдаления ПЛЯ от живого разговорного языка даже опорных диалектов» в донациональный период (М. З. Закиев), так и, в частности, о том, что «в эпоху Наваї „чагатайский“ язык... оторвался от той или иной конкретной диалектной базы»³⁷.

Между тем, как свидетельствуют наблюдения над языком разножанровых произведений именно Навои и Бабура, эта «тенденция отдаления» действовала вовсе не столь непрерывно и прямолинейно, как это можно было бы себе представить исходя из приведенных высказываний, и уж по крайней мере — не во всех вариантах ПЛЯ. Яркий пример тому — лингвистическая деятельность Навои и особенно Бабура, активно предпринимавших попытки сблизить прозаический вариант ПЛЯ в его формально-лингвистических характеристиках с языком тюрков Мавераннахра и тем самым переменить диалектную ориентацию для ПЛЯ своего времени. (Иначе говоря, Навои и Бабур в борьбе за эффект информативности своих произведений стремились уменьшить разрыв между ПЛЯ, на котором они писали, и языковой общностью читателей, которым непосредственно эти произведения были адресованы.) Именно в этом плане следует толковать широко известное высказывание Бабура о том, что язык Навои, его старшего единомышленника по лингвистической деятельности, в основе своей был ориентирован на говор городского населения Андижана.

В свою очередь, системное изучение соотношения гетерогенных форм падежного склонения в поэтическом варианте ПЛЯ приводит к заключению, что традиционное искусственное напластование ущербной периферийной системы склонения огузского типа на нейтральную центральную систему склонения карлукского типа в этом варианте ПЛЯ могло поддерживаться кыпчакским языковым окружением и, более того, восприниматься им в качестве родственного. Такому восприятию способствовали следующие черты «собственно поэтического» склонения: 1) закрепление за именной парадигмой падежных показателей с консонантическим началом; 2) отличия (хотя и

³⁷ А. М. Щербак. Грамматика староузбекского языка, с. 13.

факультативные, неодинаково регулярные) посессивно-именной парадигмы от именной: а) интерфикс *-н-* после посессивного аффикса 3-го лица в формах локативных падежей; б) форматив дат.-напр. падежа с вокалическим началом при аффиксах принадлежности 1-го (и 2-го?) лица ед. числа, а также 3-го лица; в) форматив вин. падежа после аффикса принадлежности 3-го лица *-н*.

Благодаря тому что поэтический вариант среднеазиатско-тюркского ПЛЯ XV — начала XVI в. по формально-лингвистическим параметрам своего склонения воспринимался носителями кыпчакских языков как имеющий родственные черты, он получил широкое распространение, стабилизируя свои гетерогенные падежные формы в качестве свойств поэтического койне и придавая им в силу этого статус наддиалектных черт. Взгляд на поэтический вариант ПЛЯ как на койне был механически перенесен на ПЛЯ в целом, включая его прозаический вариант.

Системный и функционально-стилистический дифференцированный анализ фактов ПЛЯ, включающий в себя изучение взаимодействия структуры и парадигматики склонения, последовательный учет стилистической стратификации ПЛЯ на каждом этапе его развития показывают, что репертуары форм различны для поэтического варианта ПЛЯ, с одной стороны, и для прозаического — с другой, и благодаря этому позволяют пересмотреть старинное воззрение, согласно которому «книжный язык представляет больше или меньше искусственную, случайную и произвольную смесь разных языков и наречий»³³ и отголоски этого воззрения в современной тюркологии.

---

³³ Из письма Н. И. Ильминского, цит. по: На память о Ник. Ив. Ильминском. Казань, 1892, с. 149.